

СМЕНА

№ 3-4

ФЕВРАЛЬ

1933

Изд-во ЦИ ВПК(С) „ПРАВДА“

КУЛЬТУРНО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО

ЖИТЬ —
РАБОТАТЬ

Четырехугольный обрыв прервал блестящий снежный спуск. Стремительный лыжник летит к нему навстречу. Должно быть он не видит опасности! Стой! Но уже поздно: лыжника корпус, наружные ноги и плечи, он... валетает вверх, словно папирист. Он летит так, слегка расставив руки, по кривой траектории метров 10—15 и плавно опускается на укатанный наст снежного горка.

Это — сложный и увлекательный вид горного спорта: прыжки на лыжах с трамплина.

Огромная физкультурная экалка нужна для того, чтобы овладеть этим искусством.

Начинать нужно с простого бега на лыжах, затем перейти к поворотам, к легким спускам. И только потренировавшись основательно на небольших полуметровых трамплинах, можно рисковать «слетать». Мы должны приветствовать и популяризировать среди трудящихся молодежи этот вид спорта. Требуя предварительного укрепления мускулов и нервов, он вырабатывает бесстрашных, закаленных, закаленных людей, умеющих хорошо владеть собой в решающую минуту.

На снимке: Ленинские горы в Москве. Прыжок в высоту на лыжах.

«Привык лодой, он может спокойно отдыхать и заниматься. Каждый день после работы он начисто моется с теплой водой с мылом, переодевается в чистое белье и платье.

Алексей работает очень напряженно. За свою смену он успевает сделать больше, чем друиловский бригадир. Но запас жизненной силы, накопленный за часы передышки, условия, созданные для советских рабочих, не дают яду усталости отравить кровь бригадира».

Так писали мы об одном из лучших ударников Урала.

Достижения в строительстве крепко связаны с достижениями в бытовой работе. Там, Сталини в своих шести условиях отчётливо это разъяснил.

Особенное значение имеет рабочее жилище. Опыт лучших в борьбе за хороший, чистый барак, за отдаление обстановку для отдыха и для учёбы должен стать общим достоянием.

Комната барака женской ударной бригады т. Роговец (завод «Калибр»), изображённая на нашей фотографии, доказывает, что в самых обычных условиях, в обыкновенном деревянном бараке можно добиться очень многого. Чистые полы, удобные свежие постели, горячая, тщательно вымытая постель, стога для работы — все это помогает выдохнуть доутом: «Культурно жить — производительно работать».

Еще утром забредкал телефон в Карамышевском сельсовете.

— Звонят из Николаевки, к вам выезжают артисты, встречайте! Через несколько минут забил и несколько учеников старшей группы размахивали серую бумагу цветистыми аршинными буквами.

Вскоре на белой проселочной дороге показались розовалины с актеры и режиссеры.

Вечером в Народом собралось много народа. С напряженным интересом следили колхозники за мастерской игрой актеров. То, что в длинных докладях казалась скучным, сейчас жило на сцене. Завершил ремонт инвентаря к севу, последние дела советской деревни по-новому засеркали перед зрителями.

Но вот появились в рафке знакомые лица, и особенно громкий хо-

В рабочем предместье западноуровского города в захотой атмосфере кабака остервенело танцуют бледные люди. Мутные испарения плавают по комнате. Окна наглухо закрыты, дульная пыль бьет из щелей танцующих. Чем жарче, чем пылейте, тем выгодеи буфетчику: больше пьют.

Несколько чахлах девушек сидят по углам. За 10—20 копеек они танцуют с любыми пьяницами.

Мы против пьяного веселья, против похотины в танцах, против пыли и духоты в помещениях, где движутся рабочие люди, против гнилых каюшечек, порожденных буржуазным строем, против волюго отношения к женщине.

Но мы голосуем за веселый, жизнеподостный досуг трудящихся молодежи, за песню и пляску в проветренных клубных комнатах, за здоровые танцы без зротики и пахотыны, за танцы, которые могут считаться частью многогранной советской физкультуры.

Много еще надо изобретать, чтобы создать новый танец, отвечающий нашему стилю. Мы можем использовать для этого элементы старых танцев, изгоняя из них черту мещанства и рабства.

На нашем снимке: Танцевальный зал Сокольнического парка культуры и отдыха.

Проблемой акклиматизации обезьян в условиях нашего юга занимаются крупнейшие советские ученые. Сухопутный обезьяний питомник работает при активной поддержке всей советской общестственности. Много сил и средств требует эта работа.

Строением своего тела, составом крови и многими другими признаками доказывают, обезьяны отдаленное свое родство с человеком. В связи с этим экспериментальная медицина, производя опыты над обезьянами, готовится к сложной работе над человеческим организмом. На обезьянах проверяется действие различных болезней и лечебных средств.

Ученая работа над ними помогает биологам-материалистам выбирать оружие из рук марксовцев, спекулирующих общественности происхождением человека.

Советская школа помогает нашим детям правильно разобраться в происхождении и изменении живых организмов. На снимке: Урок зоологии в фабрично-заводской семилетке в Иваново (Ивановская область).

хот раздался в зале. Вот прохвятили кооператора за плохую работу, и все повернулись в его сторону. Вот зашепили сумную ревиционную комиссию, и со всех сторон начали испоминать ее грехи.

Только в час ночи закончилось представление агитбригады. Неторопливо расходившаясь люди из Народом, рассуждая о делах и людях, показавшихся на сцене. Располагались на ночлег в школе артисты. Надо было хоронешно отдохнуть, чтобы завтра с утра выехать на удирную работу в соседующий сельсовет.

На снимке: Агитбригада угалинского Дома скульптуры Ивановской области, одна из лучших бригад Советского союза. Работает сейчас на селе, помогая колхозам и трудящимся крестьянам готовиться к севу.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП(б), "Правда"

№ 3-4

1 9 3 3

Адрес: Москва, центр, Малый Черкасский пер., д. 14
Тел. 2-99-28

БОЕВОЙ ПРИВЕТ ВОСТОКУ КРАСНОЙ АРМИИ!

П. ПАЧЕНКО и А. ШИРТ

НАШИ ПЯТИЛЕТКИ— НАШИ ФОРТЫ

Снова тугие брови,
Словно курки:
Вдали,
В море,
Что в море крови,—
Хищные корабли.

Только шумит широко
Беда воловерть —
Запад идет к Востоку,
Спрятан в трюмах
Смерть.

Только полк в Женеве
Дождывает Лиггой,
Бомбардировщик в небе
Прячет
Десятки тонн
Белствий...

Над миром, брызнув
Грохотом, через грань,
В пламя милитаризма
Рухнул
Шанхайгуань.

Только пока границы
Вздрагивают в ночи,
Стройка моя
Дымится,
Пламя гудит —
В пещи...

И, добывая уголь,
Войдем заперевез,
Вот он —
Союз республик —
С Кузнецком
Наперевес!

Неутомимы руки!
И все, что мы создаем,
Будущей миссورубке
Бросается
Наперевес...

Солнечные вагоны —
Угольный разворот!
Ударница обороны,
Юность моя, вперед!
Никто пути пройденного
У нас
Не отберет!..

Железных дорог ветки!
Домен сухие рты!
Грохают вагоны,
Вздрагивают порты:
Наши пятилетки —
Наши форты!..

Но снова тугие брови,
Словно курки:
Сквозь азы
Лязгает мир, багровоей
Заката. Мы не хотим
Ни являть его.
Но кровью
Свой каждый кирпич отстоим.

За крейсерам вьется крейсер,
«Взаимная моря»...
Так будь же красноармейцем,
Песня моя:

«По над Союзом летят облака —
Грозен пролетарев гул.
Слышишь, товарищи, извлалена
Ветер шпритом дохвалу.

Помни о прошлых и новых боях,
Юность моя —
Песня моя!

Реки вороной и руды дробя,
Будь, как всегда, на-чеку.
Вьслет попрержаньму наша Сибирь
Будущему Колчаку.

Нет, не уступит родные края
Юность моя —
Песня моя!

Нет, никому, никогда не сдадим
И не вернемся назад!
Пусть пятилеток строительный дым
Им проедает глаза.

Выйдет, как прежде, грозою гремя,
Юность моя —
Песня моя!

Юность моя, планирстом летая,
Бронешину веи,
Плавая как рыба, гранаты кидая,
Знак ГТО на груди!

Вспенит поля и распашет моря
Юность моя —
Песня моя!

Если костры затрепчат за Днестром,
Выйдем—под ливнем свинца,
Выйдем—за нашими любимым вождем
В серой шинели бойца.

Стройка Союза — зеница твоа,
Юность моя —
Песня моя!

Занятный пех пятилетки,
Армия красная, — ты.
Грохает вагоны,
Вздрагивают порты.
Наши пятилетки —
Наши форты.

В летный день гарнизон просыпается вместе с птицами. Люди торопятся подготовить машину к восходу солнца, чтобы успеть отлететь и лучше для полетов время, когда земля еще не разогрета солнечными лучами и от нее не идет вверх потоки воздуха.

В полдень бурно в воздухе, как на море в шторм. Потоки рвут управление из рук летчика, шипят турбины, как шквалы войны, то вверх, то вниз. Но, бессильные причинить вред

Владимир Тютчев в 1926 году баптист в Сибири в своем «ЖЗЛ» МАМ-ВИЧ — на авиационном циркулярном самолете изобрел... По его же плану ЛЮДИ КОТОРЫЕ ЛЕТАЮТ, где показаны были в начале войны полеты на высоте 6-7 км самолетами типа «Валет» — это из этой книги.

Ни одной неисправной машины в воздухе! Ни одной аварии в дисциплине полета! 2. Начиная сегодня заходить и планировать для воздушной стрельбы по наземным мишеням.

3. Выполнить первые упражнения группового полета в строю зенита из трех самолетов.

Тут же задачи для техников, мотористов и артиллерийских мастеров. Все это так, но товарищ Переломов определенно недоволен.

Как тяжело было хорошим полнотракторным в воздушном флоте и как не хочется быть на аэродроме в роли простого зрителя! Самолеты ушли в воздух и разошлись в отдельные зоны, а ты дожидаясь, товарищ Переломов, их возвращения и, стоя на старте, обеспечивая успех боевой подготовки!

аэропланному воздушному гостю, вновь ставят машину на заработанную мощностью моторов высоту.

Люди летают и в полдень, но Ковриц для обучения пилотов боевому применению предпочитает утро.

Машина за машиной, уступом рудят отряды Соколова и Чапкина на старт. Вдаль уже видны флажки, показывающие направление ветра. Техники и мотористы помогают пилотам развернуть самолеты, подают поднятой вверх рукой сигнал останова и в последний раз перед вылетом осматривают колеса, умытые утробной росой.

Сегодня эскадрилья Коврица, после долгого перерыва, потраченного на ввод в строй молодых пилотов, вырывается на старт в полном составе.

Сегодня командирский Ковриц пришел на аэродром с глубоко запрятанной настроенностью. Сегодня, как и вчера, смотрел на него с восторгом аэродрома полетейший от времени спрочный лоздун на кулаке:

— Довелся к зиме ударную эскадрилью безаварийно!

Лоздун был написан еще при «стариках», с которыми больше года держал Ковриц первенство в округе по боевой подготовке.

— Ни одной аварии, ни одной поломки в вынужденной посадке!

Так неуежили сегодняшняя летний день будет исключением?

Вчера по традиции, заведенной у эскадрильи Коврица, все новые самолеты были опробованы в воздухе лично командиром эскадрильи. Он не допускал мысли иметь в части летчика, пилота или самолета, летные качества которых он не проверил бы лично в воздухе.

«А если так, Бронислав Карлович, так в чем же сомнения?»

Инженер, командиры отрядов и врач еще раз доложили о том, что состояние здоровья пилотов и машин пригодно к полетам.

Дав старт.

Перед вылетом еще различны отдельно человек и машина.

Там, где начинаются полные обороты мотора, человек срывается с машины. Вместе с ней он побеждает прилегающие земли. Побеждает пока относительно. Невидимые нити опутывают весь полет, тянут человека с машиной к земле, и стоит только неслышно «лошадиным шагом», остановиться винту, тянушему машину в воздушном месине, как разом начинается чувствоваться непреодолимую силу громадных планов.

Планер садится и, когда гаснут остатки скорости, он лежит к земле, как перо к магниту. Мотору прибавлены обороты для ружейки по земле. Гудит мотор. Гудит земля, и в этом гуде чудится вазанная смелка самоуверенной планеты:

— А ведь не ударят тебе, голубчик, из моего царства!

В тылу, там, где отдалает технический состав, полнотракторный Переломов разбил маленькую палаточку. На палатке стартовая газета и бюллетень о заданиях дня.

У командира традиции безаварийной эскадрильи!

Опустел старт. Последняя машина с гулом уехала в общую воздушную карусель на аэродроме. На второй линии старта одиноко стоит самолет Коврица.

— Подросли птенцы. С гнезда в жизнь пошел. Веселая наша жизнь, Переломыч,— говорит Ковриц.

— Кому весело...
— А ты что? Болел?
— Хуже. Торчу, как береза в сосновом бору. Не могу больше так.

Линное наше дело. Пальцем тронешь—с кровью отдарить приходится. Кто хоть раз подержал за «ручку»—конечный человек. Прогонат его с аэродрома, отставят от полетов, годы пройдут, обрест заботы на другой работе, а случись близ его села или завода вынужденная посадка,—прибьет первым и сразу к машине, к летчику, запыляется, снова не выкажет, тычет себе пальцем в грудь: «может помочь чем... я ведь тоже... когда-то». Да ты не горюй. Мы тебе, Переломыч, по мичуринскому способу сделаем прививку.

Плыви мне, Бронислав Карлович, но по мичуринскому, а по старому 40. Там полнотракторникам указаны даже сроки переувражнения на летах.

Дул свежий ветер, снимая с травы утреннюю росу.

Ковриц еще раз проверил направление посадочных сигналов, запустил мотор и вместе с Переломовым ушел в воздух.

Все зоны вокруг аэродрома были заняты пилотами, и Ковриц, набрав высоту тысячу метров, сделал над центром гарнизона пару сочных глубоких виражей.

С аэродрома наблюдали техники и мотористы. Не управляя машиной, они привыкли к прицельным полетам настолько, что многие из них с земли безошибочно определяют ошибку в полете.

На старте техники и мотористы мобилизуют внимание к воздуху.

— Комекс на утробней зарядке!
— Смотрите, петля!

Плыви мысленно нарастание моторного гула. Заук западающая и петля с земли воспринимается в два приема. В верхней мертвой точке тишина, а только через несколько секунд доносится рев мотора, отдавшего все свои лошадиные силы на разгон машины.

После петли боевым разворотом Ковриц ушел к земле.

Над погоном два самолета один за другим ходили с левым курсом по очереди, как упрямые нарки в воде, кивировали на шты. Командиры змейшев обучали пилотов технике воздушной стрельбы по наземным мишеням.

За погоном в разных секторах Соколов и Чапкин водили за собой свое. Ведаемым самолетом не удавалось симметрию «гусиного» строя, и они то насадили на ведущего, то оставались далеко позади. В задних кабинках сидели старшие летчики и помогали молодым выщипать нужную скорость. Командиры отрядов, обेरгая нарождающийся опыт пилотов, заранее

предупреждали их сигналами о разворотах и планировании их плавном, с слабой уклонимой креном.

Ковриц, облетая зоны, знакомит Переломова с рабочими буднями в воздухе. Кричит в рупор:

— Не легкое дело—воздушный строй. Строй-0-0! Понимаешь?

В зареде Переломов утвердительно кивает головой.

Выше всех самолетов, на высоте около четырех тысяч метров,—машина Кузькина и Тополовой. Сегодня по одному пилоту от отрядов с опытами летбагана ушли на предельную высоту без кислородных приборов.

После четырех тысяч метров каждая сотня падает с трудом. Медленно ползет перо барографов, записывая кривую полета. Ртутный столбик термометра падает все ниже и ниже. Тусклые видны, но зато четкие, как макеты, посадки и деревянные видны за десятка километров вверх.

5.000 метров. Секторы управления мотором давы да отката, стрелка счетчика оборотов бьется у цифры «1600», но уши пилотов уже не воспринимают, глушащего шума мотора

Стрелка альтиметра неотменно, утонительно-медленно перепалывается за «5000». Движения руки и ног замедляются, хочется сделать с хорошей скоростью вращения разворот, а он получается, как кадр замедленной киносъемки.

Летбаги, записывая показания приборов на этой высоте, смеются над темпами собственных записей: карандаш ползет, как у начинающего школьника, вырисовывая ломаные, подрагивающие цифры.

5.300 метров. Первые тугие зенки. Клоунт клоун, клоунчик, ольвиный своей чистой воздух только дарит азели, и они заставляют ускорить темпы дыхания. Прошед час с момента вылета самолетов Кузькина и Тополовой «яна высоту». Последние десять минут они безрезультатно сдвигают переключатель стрелку альтиметра за «5.300».

Перед вылетом они сдали в стартовую газету небольшое обязательство по соревнованию на высоте, и сейчас каждому не хочется пойти первому на снижение.

Нудные минуты борьбы людей и мотора заставляют подвинуться стрелку на непривычные для нее место «5.350». Стянет мотор. Шпорки отпеления радиатора закрыты полностью. Наружний термометр показывает — 18°. Растут обороты винта, но слабеет мощность мотора, и стоит только слегка опустить нос самолета, как через секунду будет потеряно то, что досталось в продолжительной борьбе.

Предельная высота для конструкции самолета называется потолком. Есть машины с потолком в 15.000 метров. На смену-ни идут новые самолеты и моторы, и они будут таранить потолок земного приятия, будут рвать нить за нитью изходящего клубка, опутывающего сегодня полет.

В это время Ковриц закончил облет зон, мысленно подсчитал самолеты, прибываю к этой цифре два невидимых «яна высоте» и успокоенный уже собрал рассчитывать на посадку, как вдруг заметил подрагивающее быстрое ко-

се смешные предметы под самолетом. Выдерживая прямую линию полета, Ковриц боролся со сносом.

Дуя сильный ветер. Удивление Коврица было вызвано тем, что перед началом полета он получил хорошую метеорологическую сводку. Осматривая сейчас горизонт, он заметил приближающуюся к аэродрому мрачную завесу облаков. Они шли низко и плотной массой и передними разорванными краями закрывали полетом.

Прибывая газ, Ковриц через минуту подошел к аэродрому. При планировании на посадку машина равняла раз, другой... Перед самой землей третий поток воздуха подкараулил момент и вскинул самолет вверх, как иррегулярный вил. Ковриц злобно отпарывал звымяние и сел. Руля рассеянно, то и дело оглаживаясь

на мрачную завесу, закрывающую горизонт от солнца.

Выскочил из самолета и по привычке говорил с собой:

— Только, Бронислав Карлович! Вот вам и подарочек от небесной канцелярии. Дежурный!

Переломов только на земле осознал тревогу Коврица. Ветер трепал за стартовые флаги, застал траву, конус на сигнальной мачте закрутился кверху.

Прибежал дежурный. Удерживая рукой фуражку, он торопливо доложил:

— Ветер—восемнадцать метров в секунду!

— Знаю. Почему во время не предупредили?

— Вызвоню. Подую с гигоуго угла.

— Выложите сигнал: «Требование общей посадки». Подготовьте технический состав на нейтральной полосе для проверки машины.

Первые разведчики облаков—лохмотья тумана—причались на высоте ста метров к аэродрому и в миг распростелились ветром.

Над аэродромом появились зыбь Соколова и Чайкина. По заданию командира отряда должны распустить самолеты в зоне; но, заметив сигнал общей посадки и низкую облачность, грозившую каждую минуту закрыть аэродром, они привели самолеты строем. Первое зыбю медленно терло высоту. Машины, удерживаемые ветром, почти не двинулись вперед. На высоте 400 метров ведущий покачал «крыла на крыло», и все самолеты пошли по одному в общем левом круге.

— Потегот ребятики!—сказал Ковриц, когда первые машины, поддерживаемые работой мотора, касались колесам земли. Порывом ветра одну из них поддуло пол крыла и она наклонилась, казалось, вот-вот зацепит за землю и опрокинется навзничь.

— Держи обратной ногой!—кричал Ковриц.—Кто тебе ноги дала? Ну... Вот так.

Дежурный стоял у «т» и беспрерывно проверял направление ветра флагом. Он переждал каждую посадку всей своей изломанной фигурой. Ногами, давно не стоявшими на педалях

управления самолетом, придерживали на Горит Павел Петрович. Слезая на ветер глаза. Знающие его, в обывденной жизни большого человека, упрямо не желающего покинуть авиацию, порываются приступить вперед, коротким, как вспыхива бенгальского огня.

В воздухе остался одна машина, когда весь аэродром затонул непроницаемой массой облаков. Большая высота заставляла лифта эконобить каждым метром и лететь в самой крошке тумана. Третий горизонт, он на момент снижался и, вновь преодолевая «болтанку», набирал высоту.

— Кто это?—спросил Ковриц.

— На хосте «пятак», товарищ командир. Пилот Кузькин.

— Ну, Переломич, если и этот не разобьется...

Но дежурный пожарный не дал договорить Коврицу.

— Товарищ командир! Здесь курить нельзя!

— Простите! Спасибо! Забыл...и также отрывил Ковриц растоптав штору.

На старте смолкли моторы. Больше десятка машин, сужорожно покачиваясь, нависли над стяжками мелодию штора.

Возвращаясь с больших высот, летчики выравнивают самолет перед землей несколько высье обычной нормы. На ливинном языке это называется «подвесить машину». Ковриц больше всего боялся этого «подвеса».

Ветер не простит сегодня ошибки, поганест скорость, и машина, как растрепанная, рухнет на землю.

Летчику дорого внимание с земли. Кузькину оно вальце дорожке. Пять тысяч четвереста метров, и посадка в штору будет не каждый день.

Он подошел к большой скорости и без толчок и звымяний присосался к земле.

Руля он с торжественным видом и даже очки вскинул на лоб, чтобы всем было видно лицо пилота Федора Кузькина.

— Неплохо...скромно оценил Бронислав Карлович и, сразу изменив тон, обрушился на природу:

— Останена, ветрила! Дуй! Наши дома.

На кришках антар грохотало эселезо. Свалился конус сигнальной мачты. Бульстова ветер. Стонали стяжки. Люди встали на крыльях и хвостах самолетов, прижимая их к земле.

Борсь с ветром, боком прообразил к Коврицу техник Жуков.

— Товарищ командир! Кажется гудит?..

— Кто гудит? Что с вами?

— Мой мотор.

— А разве Тополева не аэриуласа?

— Нет. Уже два часа как в воздухе.

Ковриц не поверил. Он еще раз пересчитал самолеты на старте, и, когда убедился в правоте Жукова, к сердцу подступила непрощенная жалость.

— Жуков! Как же так?

— Я давно жду... все галаа прогител.

Аэродром закрыт. Там, за облаками, голубое небо. Возвращаясь с высоты, Тополева могла сбиться с ориентировки и теперь рыскает в поисках посадочной площадки. А если не найдет? Выработает горючее, будет садиться на случайное место и разобьет машину. Или начнет прошибать облака и арскается в курган или радио-мачту.

И варуд гуа. Родной моторный гуд тризачился с порывом ветра и, постепенно стихая, упал, как пессия на марше.

Весь о том, что Тополева осталась за облаками, пронеслась по старту. Все, как листья к солнцу, повернувшись за ульвинным моторным гузом.

Авдаль, за полгоном, на земле птвно от солнечных лучей. Через несколько минут в месте разрыва облаков, как в окно, высочайшая машина, проделала один круг над землей и развернулася в направлении аэродрома.

Повизкому линия самолетов на старте хорошо была видна Тополевой, так как она уверенно снижалась и на больших оборотах мотора «обреюшим» полетом подошла к границе аэродрома.

— Убери газок! Хвост трубой!—диктовала Ковриц.—Придержи на колесах! Ручку не тяни! Не тяни. Не топись за тремя точками. Ногу.

Правильно.

Жуков равнялся к машине, прорезая ветер. Еще не поджебал к крылу, он заметил ледяные корки на стяжках и по борту фюзеляжа.

— Замерла, гулен! Дуйи в тебе мет... крикнул он и по-мальчишески вскинул вверх руку, как знак приветствия Нине Тополевой.

Бронислав Карлович! Скажи ей что-нибудь теплее... Поблагодари...говорит Переломов.

— Да, да. Я тоже так думаю.

Остановив мотор, она вышла навстречу Коврицу.

По дороге растегула шлем, сняла очки и, зажав нос, понаталась пройти уин. Под гайзаны, как два полумезина,—следы от обода очок. В голове шум. Ловило в ухах. Только сейчас вспомнила, что не открывала трап при потере высоты.

— Ну, как вы себя чувствуете?—спросил Ковриц и поддал огромную руку в промсленной перчатке.

Тополева ответила крепким пожатием руки, но слов не повила и решила ответить тем, чем жила в последние минуты:

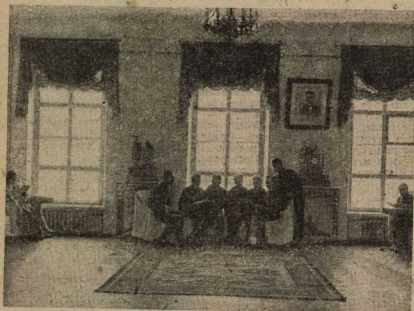
— Пять тысяч пятьсот метров, товарищ командир.

Московский Центральный дом Красной армии

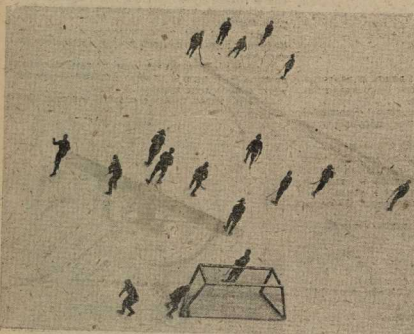
Фото Е. Алексеева

Отдыхают, читают, беседуют...

В гимнастическом зале

На физкультурной площадке. Каток

КРАСНАЯ АРМИЯ В СВОЕМ ДОМЕ

Огромный белый дом в стиле ампира. Белая колоннада над главным входом. Лепные барельефы. Артиллерийские орудия у дверей. Это — Центральный дом Красной армии и флота. Это — бывшее здание института благородных девиц. В его залитых светом залах пархали моды-то весьма «воздушные создания». Вспоминала душень военных, они млели от восторга.

Этот дом сегодня тоже полон военными. Только время иное, и военные уже не те. Центральный дом Красной армии и флота — крупнейший и популярнейший культурно-политический центр не только Москвы, но и всего Союза, не только Красной армии, но и всех трудящихся.

Через главные двери войдите в вестибюль. Поднимитесь по мраморной лестнице — подарку уральских рабочих. Пройдитесь по военным и военно-механическим кабинетам, послушайте певичку о новостях военной техники. Завернитесь у экспонатов вооружения и снабжения армии, лезвия винтами богатейшего музея гражданской войны, истории Красной армии. Нагрузитесь книгами в фундаментальной библиотеке. Посмотрите звуковой фильм. Позанимайтесь в огромном спортивном зале. Сыграйте на билларде. Не забудьте пополюбоваться детьми в детской комнате. Победите в хорошей столовой. Ну, теперь можете отправляться на каток.

Тысячи посетителей приходит каждый день в ЦДК. Командиры, красноармейцы, комсомольцы, студенты, пионеры. Здесь командир совершенствуется, культурно растет, культурно отдыхает. Здесь он в дружеской беседе, за шахматами, за ингой встречается с красноармейцами. Здесь с огромной охотой выписывается наша Красная армия, первая армия в мире, знающая, за что она борется, крепкая руководством Ленинской партии, вооруженная современнейшими орудиями обороны.

В музее Красной армии...

...рассматривают экспонаты

Биллард развивает ловкость и меткость

ХОЗЯИН ШАЙТАН-АРБЫ

Человек был болен автомобилью. Он целый день возился с двигателем, разбирая и снова собирая его. С 13 лет Владимир Игнатук работал этим болезнью. После школы и курсов он стал шофером.

В январе 1931 г. Игнатюку мобилизовали на работу в Таджикистан. Он узнал, что есть еще и другие, кроме автомобилей, двигатели, дизельные двигатели, в которой он жил, двигатели сильные настолько, чтобы увлечь целые народы, весь мир.

В сельхоз по счету республике, отставшей на год, строящейся среднекошовой и быстро двигающейся вперед, все было как-то ярче и убедительней.

Игнатюку приходилось вести их суа бай, испорченного арка на колхозном поле, вылавливать другие боевые задания. Фордизма о классовой борьбе получала предметное оформление.

Страна двигалась вперед. Возникла на месте малоизвестного кишлака город. В пустыню шла вода, заводилась в бетон инженерных сооружений. По пустыне проходили рельсы — непобедимые соперники верблюдов. По всей стране развилась железная сеть машин, экскаваторов, турбин, тракторов и автомашин.

Овнинг в Таджикистане не редкость. Овнинг — это узкая тропинка, идущая по скале над пропастью. Это — драгоценный настил из сучьев. Для того чтобы идти по оврингу, нужны крепкие веревы. Тракторы, экскаваторы, автомобильные веревы не имеют, но они упорно требуют хороших дорог.

Владимир Игнатук был мобилизован на ликвидацию прорыва в дорожно-транспортном строительстве в Таджикистане.

Город еще только возник на деревле, пустою месте. Стоял вокзал — бетон и стекло, но внутри шли доделки, и начальной станции ютился в вагоне. Кругом вокзал был: строительный мусор и лес дровяной плодородный лес, только и ждавший воды. От вокзала по лесу шла дорога к кучке домов, которая хотела называться городом. Была еще одна дорога, — она соединяла город с кишлаком.

В стране не было дорог, их заменяли тропы и овринги. Отправлялись в очередной рейс, Игнатук погружался в первобытность, наполненную случайностями.

Командир моторной таджикского батальона товарищ Вихрев сказал:

— Товарищ Игнатук входил в состав отряда в должности шофера машины. Неоднократно участвовал в боях против басмачей. Проявил себя храбрым, смелым, решительным, ничем не отличался от рядового. Был красноармейцем. В горных условиях, при бездорожье, в погоне за басмачами Игнатук смело и решительно вел машину, рискуя своей жизнью.

Кур-Артык, ближайший помощник басмаческого вождя Ибрагим-бека, этого неудачника, сделавшего последнее попытку утвердить себя «королем своего народа», дал несколько иной отзыв об Игнатюке. Он махнул рукой и, подумав, сказал:

— Вот если бы не вши шайтан-арбы, то мы бы еще посмотрели, кто-кого!

Шайтан-арбами бандит называл автомашины.

Кур-Артык был ослеплен неизвестно в 37-чашием. Иначе он бы не сказал этого. Дело было не только в шайтан-арбах. Бандита «король» и его свору преследовал весь народ Седьмой союзной.

Игнатук спал, когда на квартиру к нему пришли заводчиков гаражем и двое военных. Игнатюку задали несколько вопросов: какого разряда он шофер, в каком состоянии его машина.

На осмотр старого «форда» ему было дано полчаса. А машина требовала серьезного ремонта. Было снято зажигание, заедая выпускной клапан.

Машина была готова к отъезду.

Игнатук со своим «фордом» вошел в контору автомашины. Машины шли на Янгй-Базар. Накануне шел дождь, который испортил и без того плохую дорогу. Машины застревают в солончаковых грязях.

Игнатук первый раз выступил как рационализатор. Вместо цепей он обмотал колеса толстой веревкой. Машины поехали лучше. Командир взвеса Асадулаев подвез и сказал:

— Выходите вперед, пробуйте дорогу!

На третий день показались кишлак Нурек. На Нурек была паника. С разбитыми дверями и окнами стояли кооператив, чайхана. Игнатук увидел три трупа. Басмачи убили раиса (председателя колхоза), звывающего кооператива и одного дехканца. Им неизвестно были люди, выславившие страну из среднекошовой.

Командир отряда скомандовал:

— В погоню!

Машины развинулись одна за другой. «Форд» Игнатюка пошел первым.

Вечером на сон было дано два часа. Бойцы лежали. А Игнатюку нужно было отрегулировать клапан.

Спать не пришлось.

Машина снова вышла в погоню. Руки Игнатюка деревятели на руле.

От своей странной болезни — чрезмерного утомления автомобилем — Игнатук избавился еще в Сталинабаде.

В Сталинабаде он вступил в комсомол и окончила стрелковой кружок.

Однажды в Дангару пришли машины совхоза, обстреленные басмачами. Это была обычная

Сидевшие на «форда» увидели басмачей. Началась перестрелка

Кур-Артык, ближайший помощник басмаческого вождя Ибрагим-бека, этого неудачника, сделавшего последнее попытку утвердить себя «королем своего народа», дал несколько иной отзыв об Игнатюке. Он махнул рукой и, подумав, сказал:

— Вот если бы не вши шайтан-арбы, то мы бы еще посмотрели, кто-кого!

Шайтан-арбами бандит называл автомашины.

Кур-Артык был ослеплен неизвестно в 37-чашием. Иначе он бы не сказал этого. Дело было не только в шайтан-арбах. Бандита «король» и его свору преследовал весь народ Седьмой союзной.

Игнатук спал, когда на квартиру к нему пришли заводчиков гаражем и двое военных. Игнатюку задали несколько вопросов: какого разряда он шофер, в каком состоянии его машина.

На осмотр старого «форда» ему было дано полчаса. А машина требовала серьезного ремонта. Было снято зажигание, заедая выпускной клапан.

Машина была готова к отъезду.

Игнатук со своим «фордом» вошел в контору автомашины. Машины шли на Янгй-Базар. Накануне шел дождь, который испортил и без того плохую дорогу. Машины застревают в солончаковых грязях.

Игнатук первый раз выступил как рационализатор. Вместо цепей он обмотал колеса толстой веревкой. Машины поехали лучше. Командир взвеса Асадулаев подвез и сказал:

— Выходите вперед, пробуйте дорогу!

На третий день показались кишлак Нурек. На Нурек была паника. С разбитыми дверями и окнами стояли кооператив, чайхана. Игнатук увидел три трупа. Басмачи убили раиса (председателя колхоза), звывающего кооператива и одного дехканца. Им неизвестно были люди, выславившие страну из среднекошовой.

Командир отряда скомандовал:

— В погоню!

Машина пошел первым. Вечером на сон было дано два часа. Бойцы лежали. А Игнатюку нужно было отрегулировать клапан.

Спать не пришлось. Машина снова вышла в погоню. Руки Игнатюка деревятели на руле.

От своей странной болезни — чрезмерного утомления автомобилем — Игнатук избавился еще в Сталинабаде.

В Сталинабаде он вступил в комсомол и окончила стрелковой кружок.

Однажды в Дангару пришли машины совхоза, обстреленные басмачами. Это была обычная

Кур-Артык, ближайший помощник басмаческого вождя Ибрагим-бека, этого неудачника, сделавшего последнее попытку утвердить себя «королем своего народа», дал несколько иной отзыв об Игнатюке. Он махнул рукой и, подумав, сказал:

— Вот если бы не вши шайтан-арбы, то мы бы еще посмотрели, кто-кого!

Шайтан-арбами бандит называл автомашины.

Кур-Артык был ослеплен неизвестно в 37-чашием. Иначе он бы не сказал этого. Дело было не только в шайтан-арбах. Бандита «король» и его свору преследовал весь народ Седьмой союзной.

Игнатук спал, когда на квартиру к нему пришли заводчиков гаражем и двое военных. Игнатюку задали несколько вопросов: какого разряда он шофер, в каком состоянии его машина.

На осмотр старого «форда» ему было дано полчаса. А машина требовала серьезного ремонта. Было снято зажигание, заедая выпускной клапан.

Машина была готова к отъезду.

Игнатук со своим «фордом» вошел в контору автомашины. Машины шли на Янгй-Базар. Накануне шел дождь, который испортил и без того плохую дорогу. Машины застревают в солончаковых грязях.

Игнатук первый раз выступил как рационализатор. Вместо цепей он обмотал колеса толстой веревкой. Машины поехали лучше. Командир взвеса Асадулаев подвез и сказал:

— Выходите вперед, пробуйте дорогу!

На третий день показались кишлак Нурек. На Нурек была паника. С разбитыми дверями и окнами стояли кооператив, чайхана. Игнатук увидел три трупа. Басмачи убили раиса (председателя колхоза), звывающего кооператива и одного дехканца. Им неизвестно были люди, выславившие страну из среднекошовой.

Командир отряда скомандовал:

— В погоню!

Машина пошел первым. Вечером на сон было дано два часа. Бойцы лежали. А Игнатюку нужно было отрегулировать клапан.

Спать не пришлось. Машина снова вышла в погоню. Руки Игнатюка деревятели на руле.

От своей странной болезни — чрезмерного утомления автомобилем — Игнатук избавился еще в Сталинабаде.

В Сталинабаде он вступил в комсомол и окончила стрелковой кружок.

Однажды в Дангару пришли машины совхоза, обстреленные басмачами. Это была обычная

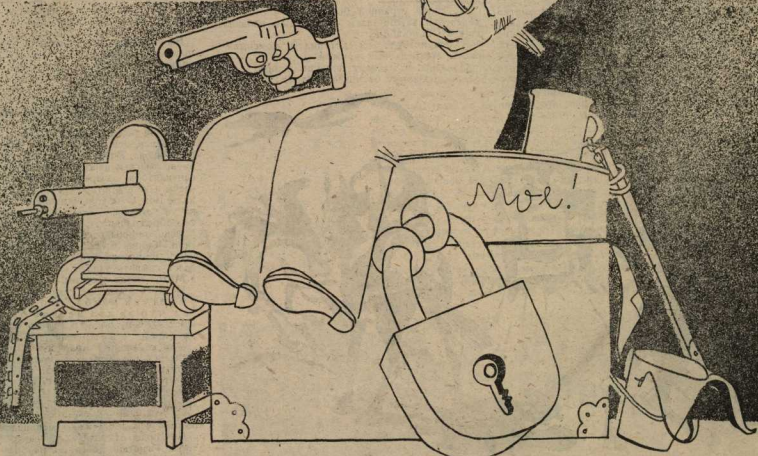
"СВОЕ" И "ЧУЖОЕ"

Рис. В. БДИСКИНА

«Иной комсомолец на село является свидетелем ищущим хлеба в колхозе, но это его не трогает. Крутит и у него дома. Если бы у него сосед курицу крад, он бы за собственную птицу своему соседу верев проложил. А негда во-уют сотни миллиардов голодного хлеба—это не его дело. Надо прямо при-наде, что отдельные комсомольцы и комсомольские ячейки становятся на путь предательства в интересах э.б.ичего класса».

(А. Косарева)

Ты, хохлаточка, не бойсь, пусть только тронут!

ЕСЛИ ПРИГЛЯДЕТЬСЯ...

«Пусть слякнутся вокруг себя на роженем большевиком, взгляды и начнут увидевшего в тенях, раздирав его открытой бою, но еще не облитой и сужорозко цепляющегося за жизнь».

А. Косарев

РАЗБИТЫЕ СЕРДЦА И НОМЕРА НА ЗЛОБУ ДНЯ

Молодая казавская жительница Валентина Поповичко мечтала:
«В комитате, освещенной общим светом огромных окон, сидят суровые люди. Они напряженно слушают секретаря конфликтной комиссии ЦК ВЛКСМ. Слезам умиления текут по щекам председателя.
— Немедленно отменить... — аспесит он торжественно! — Сейчас же восстановиться!»

Валентина Поповичко отворачивается от грес и падает к писемному столу. Несколько минут обдумывает какие-то сложные проблемы, а потом улезает по шпест:

«Дорогие товарищи ЦКК!»

Вступаю в последний решительный бой за решительным большевистским ответом. Прошу пересмотреть мое дело об исключении из рядов ВЛКСМ. Я излагаю заявление честно, подробно, откровенно, от чистого комсомольского разбитого сердца.

Здесь она останавливается, задумавшись краснотами стая. Жирной чертой подчеркивая слова «от чистого комсомольского разбитого сердца», не отрываясь, записала еще страниц восемь о комсомольской своей чистоте и активности, о том, что связь с отцом-кулаком стает ошибочной и что «кровь моя молодая бурлит и рвется под красное знамя... и я готова на жертву жизни».

«Но сие никто не прочел».

«Презираемые в красной тиши кулацкие слова — вот что обнаружилось за всей этой «чистотой и откровенностью».

Чем сильнее враг тем больше про запас у него анкетополитически выдержанных слов, тем больше у него в кармане всевозможных справок и заявлений. Одни молодой человек, выброшенный из комсомола, представил для своей реабилитации 40 различных справок и 49 Деклараций. Одна из них гласила:

«Предательство его действительно было выбран в президиум собрания кружка Осоавиахима, сидел с правой стороны от председателя и выступал в прениях, что подписью и приложением печатки удостоверен».

Старая поговорка «на горе шпалка горит оказалась верной и на этот раз. Из-под печатки и подписей, якобы подтверждавших политическую безнадзорность и активность молодого человека, появились лишние уши.

«Другой, член именитой пинянской фамилии Семенов Худюеров из Гарг, припнет к стене, с пароси признает свои ошибки и отрешается от матери — знающей спекулянтки... Об этом

самоотверженном сыне известно, что он занимает антисоветскими светлыми, называет себя сотружником ГПУ и закусает в «Диалог» товарища для перебрания на рынке.

При вступлении в комсомол Худюеров указал, что отец его — рабочий, домщик угли, и убит белогвардейцами за революционную деятельность. Действуя по законности, он добыл для своей мамы партизанскую книжку, которой она и оперировала во базаре.

После исключения из комсомола Худюеров обстрелял все организации знаменитым, сиринским, парижским из стених газет, ссылками на морозную работу и остатки капитализма в сознании, заставлявшие его брать деньги у родственников-лишесек и спекулянтов. В длинном заявлении он писал:

«Прошу учесть мою заслугу в комсомоле, которые вам достаточно известны. В числе справок, представленных им в руководящие организации, имеется следующее:

1) «Титре».

2) «В амбулатории» и несколько номеров на злобу дня».

В заключение подписи, печати и все прочие атрибуты адвсти.

Но не всегда так безобидны, смешотворны и ясны справки, представленные чулками. В руках опытного врага они превращаются в оружие классовой борьбы. Мы еще вернемся к этим справкам.

ТЕМПЕРАТУРА АЛЕКСЕЯ СМРНОВА

Угрюмыми рядами лежит в дубовых шкафах архив центральной конфликтной комиссии комсомола. В обычных серых ящиках, запечатанных как будто обмытыми бумагами, хранятся истории-напряженной борьбы за классовую чистоту ВЛКСМ.

Враг прикизает в комсомол не только для писания заявлений и деклараций.

«В Вадежском районе Урала в одной из колхозных ячеек комсомола секретарь ячейки вместе с другими кулаками, пробравшимися в колхоз, сжигал сено, срывал план хлебозаготовок, вышасал скот и т. д.

«В Медведобской станице секретарем комсомольской ячейки оказался и кулацкий отпрыск. Попол из колхоза «Ударник». Он укрывал кулаков-белобандитов и участвовал в поодке колхозной кукурузы.

На собраниях же он всегда «громил» кулаков.

И некоторым из этих «вождев» стонт приглядеться...

Немного месяцев назад работал в Рудском районе, Московской области, некий комсомольский активист Алексей Смирнов. Работал он знадателью и неведомо, но вскоре по району прогремело его имя. Смирнов прославился как организатор крупного колхоза.

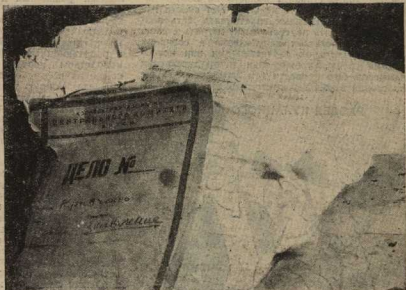
Очень быстро разучоровался в нем рудо-

водство Рудского района. Произошло это по разным причинам, и главной из них была та, что Алексей Смирнов организовад колхоз из кулацко-завиточной части села.

Помимо этого выяселось, что отец Алексея являлся крупным кулаком, да и сам недалеко ушел от именитого своего лианаа еще своим жизненным уклоном и состоянием. И хотя числился он по всем анкетам маломощным середняком, пришлось взять этого активиста в оборот и в первую очередь вышбить из комсомола.

И именно в это времени началась огромная «агитационная» работа Алексея Смирнова по доказательству своей непрочности, большевистской активности и прочих добродетелей.

Приведенные в начале этой статьи воздушные строчки трагедии Поповичко о «разбитом комсомольском сердце» являются незрым летомом по сравнению с творчеством этого «колхозного организатора».

Некоторые пакки достигают огромной толщины

«Когда получил от вас известие об исключении, — писал он, — то после этого лежал для с температурой 30°C (1). Отец мой был знаменитым рабочим большевистским бедняком... За что и ненавидят меня кулацкие классовые враги — клеветники из личных счетов».

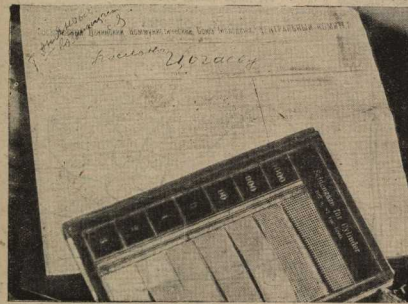
В подтверждение своих слов Алексей Смирнов представил в комиссию пачку документов. Тут и героическая работа в ОДН, тут и бабушка-беднячка, и дядя — ответственный работник, тут и сам он, организатор и герой труда, а самое главное — приложил Алексей Смирнов к своим декларациям справки сельсовета и общества о «чисто социальном звании и беззаветной борьбе вышесозанного за генеральную линию партии».

Очень долго пришлось бы рассказывать историю разоблачения Смирнова. О трудности этого дела говорит хотя бы тот факт, что областная комиссия, обманутая Смирновым и справками сельсовета, восстановила его в комсомол. Однако специальные расследования доказало, что Смирнов — подлинный кулак; что он подделал себе стая из комсомольских билетов, что справку писал он себе собственноручно, а подкладке ее заставил одних бутылкой, других угрозой. В частности председатели, чьи подлинные к двум годам тюрьмы за хищения и связь с кулаками.

ДВЕ СПРАВКИ ПОДПИСАЛ ОДИН ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

С настойчивой аргументальностью комсомол разоблачает и изгоняет из своей среды врагов-полюжурного образца и лживых удостоверений и слов. Не многие подозревают, что справки с подлинными фамилиями и печатками могут быть более опасными, чем поддельные документы. Но именно об этом говорит практика работы конфликтных комиссий комсомола.

Анна Семеновна Казаева, уроженка Балакского района Нижней Волги, приехала работать в Среднюю Азию. Она привезла с собой комсомольский билет и справку, подписанную председателем Полковского сельсовета Вязанинским. В справке сообщалось, что «до революции хозяйство Казаевых было мощное середнячком (2)». В настоящее время ее

Преискурат торговой фирмы «Гарьва» Цогаева. Сын исключен из комсомола как чуждый элемент за обман организации и вред работы

дена виду мажоризации от сельхозналога.

По району колхозы будучи во второстепенных признаках Казаева пожелала в новом месте водозерительным человеком.

Запросил Нижнюю Волгу. Вскоре от того же Вязанина, испуганного видю авторитетностью запроса, получилась справка несколько иного содержания:

«В хозяйстве Казаевых имелось до революции до 100 десятин земли, 35 голов рабочего скота, рогатого скота — 12 голов; рабочих 40 20 человек. Во время гражданской войны Казаев ушел в белую армию с батальоном Козачика и последствием ураз за границу».

Жена Казаева Малаяна раскулачена и административно выслана из пределов края.

Когда хватает у врага изворотливости, он авторитетно садится в кресло комсомольского секретаря. Если кланок протравочной бдительности претравит ему путь, он находит извилистые холы, стараясь попасть на новую дорогу, ведущую к той же цели. Нет власти руководить — есть язык сленгичить, есть возможность сплести неустойчивых, сыграть в свою пользу на остатках капитализма в сознании людей, сделать их соучастниками или пособниками своих жульнических и вредительских замыслов. Это провести тем легче, чем меньше классовой закалки у комсомольцев, чем беспес-

культпротрапичей Гринева, который бросил всю работу и почти развалил комсомольский коллектив.

Тот, кто поддается кулацкому влиянию, должен быть изгнан из комсомольских рядов.

Но надо привести в движение все наши механизмы, чтобы парализовать попытки подменить своим византизм гудящую молодежь. Помимо старых, испытанных форм работы надо смею приступить к развертыванию вокруг ачек комсомола из числа наиболее близкой ему молодежи различных добровольных групп и кружков молодежи, основанных на самоинициативе молодежи и работающих под руководством партии и комза на пользу общества. Возмуть также задачи как охрана общественной собственности, борьба со всеми и всяческими тунеядцами, борьба за повышение урожайности, за дело рабочего снабжения и культурного быта рабочего, прежде всего нужно развернуть сеть этих групп и кружков» (А. Косарев).

Во многих случаях податливым материалом для кулацкого обворота явились комсомольцы — выходцы из категории «прочиор». Реальные связи, «биологи», возвратили их в критическую минуту в переполненное состояние — в обитие лирицев и спекулянтов.

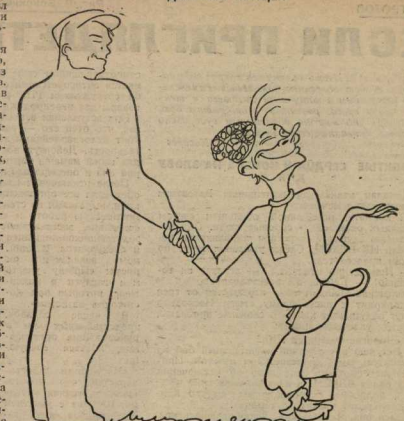
В материалах конфликтной комиссии ЦК ВЛКСМ упоминается два исключенных из комсомола Прокучука из Белоруссии и Шенотовой из Башкирии. Оба — «прочиорские активисты», но активная карьера Прокучука закончилась удачливым продвижением к руководству границей, Шенотова перешла в контрбандитскую границу. Машинистка комсомолка Шенотова вышла замуж за раскулаченного.

От этих небольших «семейных» дел веладно до контрреволюции. Оценка подобных действий должна быть совершенно беспощадной.

Беспощадность к врагу и его агентуре надо научиться сочетать с чутким товарищеским подходом к каждому молодому рабочему и колхознику.

В Шахтинском и Нефтегорском районах Северного Кавказа, да и во многих других местах, одно время рождался из комсомола пачками. Не изучали, не устранили безобразия, а только вслащали.

Ленинградская ОБАКК восстановила в комсомоле неправильно исключенную работницу

— Попрош выдать справку, что со мной адосвелся са руку член райкома

Это на единодушного отъеме цехового триугольника.

Этот небольшой пример утравки по тем людям, которые думают подменить массово-политическую работу голым администрированием. Для того, чтобы уметь сочетать беспощадность к врагу и его агенту с чутким товарищеским подходом к рабочим и колхозной молодежи, надо знать и понимать слова Косарева:

«Нам придется чистить всю комсомольскую организацию. Эта чистка направлена к тому, чтобы поднять классовую боеспособность комсомольских рядов. Очистить организацию от чуждых и колеблящихся элементов, разгнать ярость комсомольских ачек против кулака, пооружить каждого комсомольца против кулака, подкулачника, жулика против кулацкой агентуры, против того, кто является примером в кулаку, кто страдает оппортунистической самоуспокоенностью, кто замечает недостатки и равнодушно проходите мимо них. Чистка укрепит комсомольскую организацию».

Надо знать каждого человека в организации. И тогда нельзя будет спутать врагов с друзьями, и никакие махи не смогут скрыть врага.

ТЯНКАЯ ВОЛЕНЬ

После этого лежал два дня с температурой 30°

РАЗДЕЛ КУЛАЦКОГО ДОБРА

— Все в колхоз, а дочку мне

башней подбор руководящих людей, чем больше самоуверенности у работников, поставивших партии в ведущую шестерю социалистического строительства.

ЗНАТЬ КАЖДОГО!

В угар пыльных вечеров и картежной игры заваляют молодежь кулак и вредитель. Они вступают здесь в борьбу за молодежь во время досуга. Мы иногда спокойно относимся к скамье в лавках изданий и клубов, а враг в это время раздвигает тигру молодежи к неселью и именно на этом участке начинает обрабатывать тех, кто ему нужен.

— На Северном Кавказе в Нефтегорском районе выстроено социалистический рабочий городок. Много сил и средств отложено на постройку отдельных жилищ для рабочих. Но в новые дома вторгались гонимые остатки прошлого: пьянство, карты, хулиганство. Во всех этих вредительских увлечениях и комсомольцы.

Один из ребят обяснил:

— По вечерам делать нечего. Беда и шиток никто с нами не проводит.

Комсомольские собрания бывают раз в полгода. Вот и поучаствуем».

Одного только не заметил этот парень: организаторской роли чуждых элементов, ибо враг часто выступает под маской друга и не так-то легко различать подлинную его сущность.

В одном из сельских районов Башкирии несколько кулачек и лишекю пролезали в учебно-бытовое коммуна и вызвали в ней бытовое разложение. Они втянули в это дело нескольких комсомольских активистов, в частности

ПОСЕДНИЙ БАТРАК

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДУДУЩЕГО

К руководителю секты батраков, кудыку — «благодетелю» Карпу Исачу в глухую лесную деревню приважает на городе Лидя. Она советует отцу немедленно перебраться в город, так как в стране проводится ликвидация кулачества как класса. У Лиды в городе связи с сыном фабриканта — инженером Левендой, который обещает устроить Карпа Исача на работу. Отец в конце концов соглашается с «образованным» доктором. В доме Карпа Исача работает батраком молодой парень Лутюшка. Лидя обещает ему свое покровительство в городе.

Объавив в деревне, что «так повелел господь боги», Карпа Исача неожиданно покидает насиженное гнездо. Лутюшка следует за ним...

2

Левенда предложил Карпу Исачу сколотить артель грузчиков.

Фабрика перешла на трехсменку, — вся она — это разнорабочие бросились в корпус — квалифируются на машинах. Привези себе артельку из хороших знакомых мужиков и монополю действующую на выгрузке.

— Это я, Игорь Всеволодович, могу оборудовать в лучшем виде. Артелька будет, что твой завод.

На тех же двух Карп Исача с'ездил в деревню и привез грузчиков.

Теперь у Карпа Исача был и дом и хороший заработок, и он почувствовал себя почти так же спокойно и удобно, как в деревне.

Опыт появился у него в доме старинки и старинки, в дни отдыха происходили молены. Пели свои бегуныские заунывные стихи. Карп Исача произносил проповеди. Приходили послушать их и жены рабочих из поселка.

— Самое главное, многообразные наши братья и сестры, то надо принять в разуменье, —ирекал Карп Исача, — что Христос был пролетарского происхождения, сын мелкого ремесленника, сын одиночки-кустаря — плотника Иосифа. Мать его была простая трудящаяся женщина. По слову социальному происхождению она близко подходит к рабочему и крестьянину. Христос же был великий социалист-коммунист.

Лутюшка после недвоякой хохотки вылезает сестренинским оставшееся после сноса дома гнилье. Потом Карп Исача взял его в город. Батрак работал теперь в артели, жил у хозяйки, в свободное время колол дрова, таксаз wood, бегал по магазинам.

Но все-таки здесь он чувствовал себя вполне, нехуже в деревне, как-то незаметно перебрал из-под неразумяющего око Карпа Исача на попочение Лиды, которая давала ему читать небожественные книжки. Это были буржуазные романы, в которых Лутюшка ничего не понимал, и стихи. Стихи его больше трогали, но редкие строки доходили до души. Лидя даже один раз ходила с ним в кино, и Лутюшка с трудом сдерживала свою радость. С этого вечера он окончательно влюбился в хозяйскую дочку.

Тяжело было в те вечера, когда приходил инженер Левенда с компанией приятелей. Тогда Лутюшка бродил около комнаты, где кипело веселье, или танцевал в коридорчике, прислушиваясь. Однажды гости, только что ушедшие в комнату, продолжали начатый разговор:

— А я вам говорю, что экстракт Сорвачева дает прекрасный результат. Он заменяет два красителя, которые мы вволим из-за границы. За эти планты золотом восемьдесят рублей за килограмм, —ожесточено говорил Левенда.

— Вы просто, Игорь Всеволодович, по старости стали экзальтированными, как женщина. Кто-то вам сказал — вы поверили! Неужели вы хотите мысль, что какой-то рабочий без знания химии, без образования мог открыть что-нибудь подобное? —брюзжал один из его приятелей. — Испытайте бы!

— Предост.

— Вот видите! А вы ввязались утверждать... Заглянул патефон, и его-то плаголосе стал палывать веселую песенку. Длинными черными нитями тянулись минуты. Прошел мимо Лутюшки Карп Исача и скрылся в своей горенке. И опять медленно тянулись минуты. С другого конца коридора на Лутюшку надвигалось огромное багровое лицо Карпа Исача.

Лутюшка хотел закричать, но лицо Карпа Исача вдруг пропало. Лутюшка успокоился себе:

Карп Исача устривается. — Почему взволнован Левенда? —Разговор в коридорчике —Иностранские слова —Могрорый знакомый — Угрозил остаться без обеда —Лидочка обращает внимание —Падают снег, —Индивидуальный подход. —Копьяники хитер, но Лутюшка еще хитрей.

— Это мне померещилось. В этот момент из комнаты вышла Лидя. Лутюшка вздрогнул. За Лидой, крадучись, следовал Левенда. Они слились в одно, еле заметное пятно.

Вы получите хороший гонорар...

— Целоваться будут, —догадывал Лутюшка. —Пойду и динну ему в морду...

Послышался приглушенный, но внятный голос Левенды:

— Видите ли, Лидия Карповна, изобретение Сорвачева действительно замечательное явление. Испытайте экстракт дайте положительные результаты... Мы получили задание во что бы то ни стало похоронить эту попытку... По части ввоза кварцита и гематина... Вы работаете в химической лаборатории... Вы получите хороший гонорар...

Лутюшка остыл. Они толкуют о чем-то своем, фабричном.

— Ничего обязательного и обещать не могу, но... посмотрю...

— Постарайтесь, Лидия Карповна, —молил Левенда, —вы очень хорошо зарабатываете...

И они ушли в комнату. После этих переживаний Лутюшка почувствовал усталость и пошел спать. Хотел перед собой почитать словарь, чтобы узнать значение

В артели только и молодежи, что один Лутюшка. Карп Исача подобрал артель из людей покочивых, «созиданных».

Работали они плохо, только все и гадали, где бы чего ухватить. Веселенько, бодр, веселобрезент. В свободное время они стояли в очередях и закупали все, что только можно было купить.

Карп Исача правил артелью через Степняго и Якимя Конопьяники. Степнягий был в артели замес, ириниал, передавал и подготавливал фактуры, сообщал артели, где и что можно купить, продать.

Музык крутного телосложения, пузатый (за что и был прозван Степнягом), малорослый и худощавый, он состоял у Карпа Исача непременно советником во всех делах. А мелкую работу в артели выполнял Конопьяники. Этот был маленький, сухой, поджидный, красноречивый. Он был везде и всюду. Крутые сутки артель была у него на глазах. Его длинная голова в маленьком картузике была похожа на долодо, и Лутюшка, смутно ненавидя Конопьяника, сочинил про него скороговорку:

«Ах ты, рожа долодо,
Ты толкуешь не про то!»

Несмотря на красноречивость и дипломатические способности, Конопьяники для связи с организациями и общественными партиями не допускался. Он был черезчур слен и медоточив. На эти случаи имелся полукулачник Хмычка, бедняк, обработанный и купленный самим Карпом Исачем.

В артели вообще применялся богатейший сектантский опыт конспирации.

Степнягий одевался в широченное бархато и выглядел не пузатым толстосумом, а просто богатырски сложенным грузчиком.

Хмычку использовывали для сокрытия и перепродажи украденного. Тут был тот расчет, что если он и попадет, то с него в деревне нечего взять, а потом же ему как настоящему бедняку ничего не велят конфисковать. Он снабжал артель слухами, контрольно-опционными анекдотами, сам сочинял божеество-антисектские стихи.

Карп Исача высоко ценил его как незаменимого массовика и своего верного осведомителя.

Каждое утро подходил Конопьяники к Карпу Исачу с новостями:

— Вечером Карп Исача, любви ты бох, приходил в барак партияная девка читать нам газету. Я шептал нашим слушае, ее всем соглашались, а больше молчать. Правильно ли я, Карп Исача, любви ты бох, поступил?

— Ничего, конечно, достойно поступил, —похвалял Карп Исача.

В следующий раз Конопьяники докладывал:

— Вчерась, Карп Исача, любви ты бох, приходил в барак Лутюшка, и они с Хмычкой пели боготропную песню про конюна Буденного. Я почетливо говорю им: «Замолчи! Хмычка послушался, а Лутюшка говорит мне: «Ах ты, рожа долодо, ты толкуешь не про то!»

—Ну, меня тут сердце взяло! Лутюшка, говорю, ты что это, смолчел эдакая, такие слова старика неслыханы! Да я, говорю, извиняю, что с тобой сделаю! На другой вечер слышу —опять он эту песню тихонь. Вот чего с ним, Карп Исача, любви ты бох, мне делать?»

— Я сам на него беседой подействую, —ответил Карп Исача.

Лутюшка то и дело беспокоил Конопьяники. Парень то ругался с кем-нибудь из артели, то вылезался в разговор со встречным рабочим, или пел, пробовав курить, диниал Хмычку, а однажды купил и принирил к индальщику значок.

Конопьяники моментально заметил багровый квадратик на его груди.

— Лутюшка, любви ты бох, словоч ты эдакая, ты уже не в комсомол ли влился?

— Это я купил за полтинник.

— То-то... Смотри, не соверши такую дурость. Тогда и, любви ты бох, прим-таки удлюво тебе!

Лутюшка вс'злся.

— Ну, на это у тебя, дядя Яким, руки коротки... Сам тогда не задохинся?

Конопьяники сразу сбавил тон:

— Это, Лутюшка, любви ты бох, так только, к слову говорится, вроде шуточки.

Он пригладился к значку.

— Тут есть какое-то серебряное пятнышко.

— Это изображение, —ответил Лутюшка.

— А чего тут такое вырвалася?

— Это последний разговор за политику поманяет нас в тюрьму привез. Видно, это решетка, а это рука в плащок.

Копылякин так весь и просиял:

— Ну, Лутюха, любви ты боа, до чего же ты медальку себе подхолодишь начекал!

Это, значит, к тюрьме тебя потянуло. Все по делу господь судью начекает...

Наделако от товарной базы, где кончалась железнодорожная ветка, находилась образованная комсомольская столовая, куда артель заходила обедать, закупить как можно больше заготов для того-то дамы не подавали со станции вагоны, и артель ввалилась в столовую греться. Было около одиннадцати часов утра.

— Какой сегодня обед—спросил лышка.

— Нет обеда,—ответила Копылякина.

— Как нет обеда,—заварила Лышка.—Голодный, что ли, нас будет моруять? Где заведующий? Давай сюда заведующего!

— Он уехал за продуктами с самого утра.

— Вот она, образованная-то!—печально покачал головой Карп Исачук.

— Карп Исачук,—задохнула Копылякина,—что с такой молодатини спрашивают! Пискари ведь это, а не народ.

— Минут через пятнадцать подкотило два автомобиля, в столовую влетел комсомолец-заведующий черниной худощавый паренек с вьющимися волосами.

— Чорт побери!—закричала он отчаянно.—Иза-за недостатка транспорта меня чуть не оставили без продуктов! И еще вырвал два автомобиля! Надо разгрузить!

И он пошел в хоздотдел за разнорабочими.

Вскоре столовая наполнилась комсомольцами, которые перед тем, как встать на работу, заходили обедать. Они в несколько минут зажали все свободные столы.

— Сегодня нет обеда,—объявила официантка.

— Почему!—спросили десятки голосов.

— Сподвинули продукты!

— Где заведующий?—опыт, как по команде, спросили десятки голосов.

— Он сейчас будет.

В столовку ворвались оба шофера.

— Куда бежал заведующий?.. Что ж мы сами, что ли, будем выгружать? За простой машины он заплатит!.. Еще несколько минут—и мы укатим обратно.

Заведующий вбежал еще более разъяренный. Он еле переводил дух. Его моментально окружили:

— Почему ты нас оставил без обеда?

— Город невиданными темпами развивается.

— Задыхались, начал комсомолец.

— Да ты темпами не закрывайся!

— Ты не пашерывайся!

— Твои-то где темпы?

— Ребята, он хочет нас вместо обеда акцией накормить!

— Ребята, это конечно в последний раз. Я завалил им: если мы сподаете еще раз хотя бы на час, я лечу в РКК. Я лечу в ГПУ. А сейчас, ребята, войдите в мое положение... Мне не дали рабочей силы... В хоздотделе почти нет разнорабочих... Давайте сейчас возьмемся и выгрузим моментально!

— Хватит толке... А где время-то?

— Сейчас надо бежать на работу...

— А может, ребя, успеем?

— Успеем!

— Давайте разом!

— Моментально сматнем!

Ребята бросились к автомобилям, вскопчили как гусь, приготовились, но в это время рынку гулком комсомольцы поспешили в корпус.

Заведующий равнялся в столовку и подбежал к Карпу Исачуку.

— Товарищ, ваша артель сейчас свободна... выгрузите продукты... Это же наше дело, общее, кровное...

У нас споры работы по горло,—ответил Карп Исачук.—Перерыя у нас кончился, сейчас мы уходим.

Один шофер беспрестанно подавал гудки, другой вошел в столовку:

— Будешь выгружать или не будешь? У нас громадная простоя... Мы усажем. По твоей милости мы можем угодить на черную доску.

Лутюшка все это коробоаю, как берет огука.

— Карп Исачук, выгрузи,—возмолвил Лутюшка.—Мы одним махом. Процесс пять минут.

Карп Исачук уперся в него несподвижно взглядом.

— А тебя кто тут спрашивает? Кто отвечает за артель?.. Свою работу мы будем упускать, так нам влетит...

— Лутюшка, любви ты боа, словить ты вдалека,—проинила на ухо Копылякин,—скажи

хоть еще одно слово, к жисти своей не рал будешь!

— Граждане,—обратился Карп Исачук к артели,—не мешайте Давидюпора за работу.

Артель вывалила на улицу. Лутюшка поплескался.

«Как-то уж кудрявый выкручивается,—подумал он.—Где достанет рабочих?.. А может автомобили уже уехали...»

Приближаясь к товарной базе, он увидел, что вагонов со станции до сих пор не подали. Лутюшка остановился и убедившись, что за ним никто не следит, пустился бежать к столовке.

Автомобили еще не ушли.

Комсомолец стоял на подножке переднего автомобиля и ухватившись за шофера обема руками, умолял:

— Товарищи, дорогие, положите одну минуточку, одну секундочку.

Заведующий—крикнул звонко Лутюшка.—Давая выгрузить! Процесс пять минут.

Шоферы не проронили ни одного слова, а комсомолец соскочил с подножки и схватился за первый попавшийся мешок.

— Ты лезь навзех,—сказал Лутюшка.—Ты мне только наваливай, а я буду носить.

— Один-то не выждешь!

— Небось, выложу. Сила у меня чертовская.

И на самом деле—с мешком Лутюшка шел бегом и легко, будто счастливый отец нес двухлетнего сына на закорках. Обратно он возвращался бегом.

«К утру-то поспетаскает!—крикнул шофер со второго автомобиля своему товарищу, ко-

торый ничего на это не ответил, что-то обдумывая и хмури брови».

Пот занял все лицо Лутюшки, он дышал часто. Но глаза его светлелись.

— Этот автомобиль кончается,—сказал он торжествующе.—Сейчас падавай другой.

Внезапно шофер вылез из своей кабинки и поставил спину:

— Наваливай...

Энтузиазм захватил шофера и со второго автомобиля.

Комсомолец не успевал наваливать, работая, как конюга у громадной топки: в десять минут был разгружен второй автомобиль, и обе псауэтрагонки, устрашающе гудя, выехали за ворота.

— Как твоя фамилия?—спросил комсомолец.

— Моя фамилия Ерощкин,—ответил Лутюшка и медленно пошел к товарной базе.

— А ты комсомолец?—крикнул заведующий.

— Нет,—не оборачивался, ответил грузчик.

Вагонов еще не подали. Часть артели болталась по улицам, а остальные грелись на веселом солнышке.

Лутюшка подошел к сызмани с таким видом, будто ему наскупило бродить на газете.

— Лутюшка, любви ты боа, склади бы поглядеть, выгрузили они или нет?

— А я был уж там,—ответил Лутюшка.

— Кто выгрузил?

— Никто не выгружал. Автомобили так и уехали обратно,—сказал он.

На лицах Карпа Исачука и Копылякина отразилось ликование.

— Вот так работнички всемирной!...

— Работают, как воду решетом носят...

Лутюшка еле сумел скрыть улыбку и пошел вдоль путей, подставляя лицо солнцу.

Он чувствовал себя прекрасно. Кровь в нем текла ровно, сильно и, казалось, пела песню. В нем поднималось вдохновение, и он тихо злился на мотив «Мя, пожар-семьмого плазма»:

— Беспрательный товарищ Ерощкин-и-ин...

Дочь уговорила Карпа Исачука немедленно переехать в город...

Выступил внезапно карточный поил..
— И как ты там бываешь поил..
А на сердце ему хорошо..

Заведующий столовой всюду рассказывал про дисконинного парня из артели грузчиков. Секретарь коллектива комсомолка заметил, что слабо ведется работа среди молодых рабочих-комсомольцев, прибывших на фабрику из деревни. Заведующему столовой Силаеву и комсомолке Кате Цихон было поручено шефство над грузчиком Платоном Ерошкиным.

На тех днях в столовке Кати Цихон отозвала Лутушку в сторону и, оглядывая его большими темными глазами, начала с ним беседовать.

Артель моментально заметила это событие.
— Смотрите, братья, Лутушка что делает,— засмеялся Карпа Исаяч.

— Какую красную подвинул, негодяжный пес!— выиспано противно похотливый Стелыйный.

— Ты, товарищ Ерошкин, как соотносяешься насчет комсомолка и как ты к нему относишься?— товарищ Кати.

— Уважало..
— Почему же ты в стороне от нас находишься? И шагов никаких в нашу сторону не делаешь?

— Дороги не знаю..
— Приходи сегодня в семь на кружок.. Знаешь, где клуб? Комната номер двадцать семь. Запомни!— двадцать семь.

— Запомню..
Артель встала и пошла на работу.

— Что это глупая тебе говорила?— встретила Лутушку Коноплянкин. Лутушка скернул его взглядом и скучливо скривил рот:

— Да ничего не говорила. Все больше подмигивала..

— Ой, Лутушка, любви ты бох, пропадешь ты, раз с такойки начал водиться..

— Так что мне теперь, уж и с девкой нельзя погулять?

— Да ты ведь, стера с жидовкой сваялся, не вижу я, что ли?.. Смотри, Лутушка, как же тебе соидаться!— охваченный ты враз этого собойней смерты. Ты с ней не водись.. Слышишь! Я тебе свою подхотливую деку найду, раз уж ты в тоде такъв возжел..

— Кати Цихон встретила Лутушку в клубе. Он бродил по длинному коридору и, завидя товарища Кату, начал указывать на какой-то находящийся новое место, разисковал двадцать седьмую комнату.

— Опоздал, опоздал,— засмеялась она и пошла в его в конец коридора,— первый раз, а уж опоздал!

В двадцать седьмой грузилос человек десять комсомольцев. За столом сидел Силаев. Он занял:

— Беседу проводит Цихон. Она будет говорить сегодня о классах и классовой борьбе. Товарищ Ерошкин из прелеких занятиях нашего кружка не был. Си пришла в верный раз и ему многое покажется непонятным и потому нам с ним придется заняться особо. Цихон, говори!

— Класс—это большая группа людей, объединенных одинаковыми условиями производства и одинаковым отношением к средствам производства,—говорила неторопливо и протяжно Кати и протраивно пояснила, что такое условия производства и средства производства.

— Классы—это такие группы людей,—продолжала она,—из которых одна может присваивать труд другой. Капиталист присваивает себе труд рабочего, кулак—труд батраков и находившихся в его уславе батраков.

— Классы не отмирают, а уничтожаются в ходе классовой борьбы. Вот например в настоящее время в деревне в ходе классовой борьбы ликвидировается кулачество как класс. Беднота и среднее крестьянство организуют колхозы. В колхозе коллективизированной укладке сельского хозяйства для кулака нет места, и си становится злейшим врагом колхоза..

— Так, значит, Карпа Исаяч ликвидирован бы,—мелькнуло в голове Лутушки.—Вон оно што! Изза этого, может, он и сюда переселся.. Вот шрот, какой лозкий—удал, спасся!

Лутушка слушал Катю очень внимательно, а между тем мысль о Карпе Исаяче, как слабый ручеек в первые весенние дни, пробиралась дальше.

— Меньшисный, подкулачнички, правые оппортунисты и сектанты затусуются, стирают это различие классовых интересов..

— Сектанты!—вспынуло слово в сознании Лутушки.—А у нас все артель грузчиков—сектанты. А Карп Исаяч в деревне был верховодом сектантов..

При выходе из клуба Катя сказала Силаеву Силаев,—а нем, понимаешь, есть какой-то огонек..
— Я очень недоволен, что не смогла вытянуть из одного слова из этого новосельного.. Ерошкина.

— Он мне определенно нравится,—отпустил Силаев,—а нем, понимаешь, есть какой-то огонек..

— Это верно,—согласилась Цихон,—несомненно в нем что-то заложено. Его только надо уметь воспитать, вооружить. Силаев, позвонь его к нам, мы потолкуем с ним.

— Ерошкин!—крикнул Силаев.—Сюда на минутку.

Лутушка подошел к ним, и они поинди вместе.

— Почему же ты, Ерошкин, не принял участия в беседе? Ты ведь бойкий,—протогворила Кати.

— Мало ли что бойкий..

Лутушка совсем растерялся. Уйти от Кати ни с того ни с сего было нелегко, а говорить с ней он не знал о чем. Такая она была серьезная.

А сама она, видимо, не думала от него уходить—продвинулась еще ближе и на позороте кинула головой:

— Идем вот в эту сторону.

Падат густой сырой снег. Фабрика и очертания города вдаль виднелись сквозь белое кружево.

— Если у тебя есть время, то идем ко мне, досидим, пойдём чаю.

В ее честной и удивительно белой от покрывала на кровати, от занавесок и накладки на вешалке комнате Лутушка растерянно затоптался у двери.

— Проходи и садись,—приказала Кати.

— Я населеку..

— Иди садись, а тебе под ноги газету постело.

Она дала ему книжку, а сама ушла на кухню ставить чайник, захватив с собой несколько свертков.

— Угощать меня хочешь!—Он держал собой книжку, но от радостного лоджания не мог разобрать ни одного слова.

«С чего это она такая ласковая.. Разговаривает со мной так хорошо и хочет поить чашечку.. Разве я уж очень красавец?»

Вернулась Кати.

— Сейчас будет горя чай,—показала она.— Вот, Ерошкин, ты возьмишь с собой эту брошюру, а пока я тебе почитаю речь Ленина из Третьем съезде комсомолка.

— Лутушка, любви ты бох, приходи вечером к нам в барак,—покровительно говорила Коноплянкин.—Ох, чем я тебя обрадую! На ногах не устоишь! В восемь часов приходи, как по дому все дела справилась.

— А зачем?— Там узнанешь. Скажано тебе приходи—и все. Заботится о тебе, дуржак, а он еще эсазмет!

Лутушка внялся в восемь. К нему тотчас же подошел Коноплянкин и приторно пропел на ухо:

— Поди-ка вот тут за поленицей кто тебя дождается! Поди скорее, а то уйдет. Не робей.. С нами надо смелее.. Бери прямо за себры.

За поленицей Лутушку ждала кругленькая небольшия девушка, Лутушка, сдержанная, проткнув ей руку и сказала насмешливо:

— Здравствуй.. Сорок лет, сорок зим не выдвлясь, сохнись—и поговорить не о чем.

— Мы с тобой восемь не выдвлясь, первый раз встречаемся,—пробормотала красная девушка.

— А да балу вместе гуляли—раз не помнюсь?!

Девушке этот тон пришелся не по нутру: она смугляла и ничего не ответила.

Лутушка это сразу заметила и переменилась. Он решил предстаться утвым и образованным и начать разговор на «вы», лгавно и успокоительно, как инженер Левенда.

— Нет, серьезно,—протянул Лутушка,—я хочу с вами разговаривать: столько любозно, без идиотизма! Где вы например работаете?

— Это мы-то.. Мы работаем в домашних работах в месяц?

— Двадцать рублей на всем готовом..

— Хорошо ашмбете.

Лутушка на этом оксеся, не зная, о чем еще с ней говорить. Ничего-то она наверно не знает.. Тоска с вней зеленая.

— А в клуб вы развлекаться ходите?

— Нет..

— Отчего же нет?

— Не смею..

— Чего же те сметь-то?.. Надо развиваться, а то вы подгнили не помете. Идеите, и вам покажу весь процесс.

Выйдя из за поленицы, Лутушкин увидел в окне барака расплоснутое лицо и про себя усмехнулся: «Коноплянкин следит, как дело у меня идет».

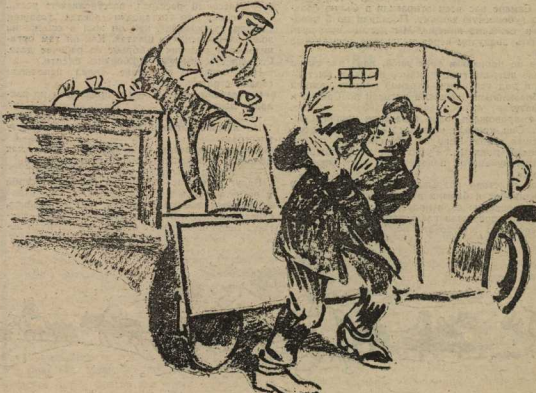
Чтобы доставить своему «покровителю» удовольствие и показать, что его старания не пропади даром, он обиня девушку по-деревенски за шеню и таким манером профдеформировал перед окном, в котором темнело лицо Коноплянкина.

Девушка, видимо приняв это за начало любви, пожалакс к нему.

— Как ваше имязачо?—прорыворкала Лутушка.

— Ду-усу,—шептала девушка..

(Окончание в № 5-6 «Смены»).

«Небож, выдижу. Сила у меня чертовская».

ПОЕЗД СМЕРТИ

«Поезд смерти» не выдумки. В дни боясь и Ночным его видели рабочие и крестьяне в Польше, Западной Сибири и дальнего Востока. Черной дыней только поезда смерти колчаквцы пытались влугать в евокуюю, ионую, железнодошовую пути тысячу километров в день и в день. Возниково-не и гибель поезда смерти-странна на истини горад-ской всьми Она вобьтает новую мужественность бо, кой ая доидетвовать. С. МОРЯК был в числе плен-иков колчакского поезда смерти, тогда см было тринадцать лет. Случаюность спасла его от ересты,а, км нечетвер его вассьмюююю.

Помню, это было зимой 1918 г. и в начале 1920 г. Мне исполнилось тогда 13 лет. Нашу местность, город Хвалынск, и назе село Подлесное, где я родился и вырос, заняли чехи-белогардейцы.

Белогардейцы арестовали меня и моего старшего брата Георгия, которому на два года старше меня, за то, что наш старший брат был уездным военным комиссаром, а мы якобы являлись «шпионами».

В то время наш старший брат Петр (он теперь учится в Академии социалистического земледелия в Москве) был действительно одним из главных руководителей советской власти в Хвалынске, был уездным военным комиссаром, а я с Георгием действительно были разведчиками от красных, отступивших тогда из Хвалынска в Волск.

На нас показали соседи, враги советской власти. Им не нравилось, что все три брата были красногвардейцы-большевики.

На допросах в колчанковские офицеры хлестали нас нагайками и грозили расстрелом, вымогая сведения о старшем брате и о нашем «шпионстве».

Мы были приговорены полевым штабом белых к расстрелу, но почему-то расстрелять нас в Хвалынске не расстреляли. Видимо, хотели выжать из нас сведения о старшем брате, которого они усердно разыскивали, думая, что он скрывается в селе, но он в это время был в Волске и наступал оттуда на белых в качестве начальника штаба красногвардейского отряда.

И нас при отступлении эвакуировали из Хвалынской тюрьмы в Самару в барже со всеми пленными красногвардейцами.

В Самары, не доходя до нее верст 15, нас гонили всех рыть окопы. Мы собирались партией в 10 человек убекать к своим, зная, что красные находятся около Самары, но убекать не удалось. В одиночку человек пять или шесть все же убекали. Белые открыли по ним стрельбу. Я видел, как падали на жесткий песок товарищи.

Мне хотелось тогда совершить некое дело — освободить себя и всех товарищей из лап белого зверя. Мне хотелось подняться на крыльях вверх и уничтожить врага врага.

В Самаре нас всех отправили в белую большую губернскую тюрьму. Посадили по 5 человек в узкие камеры. Мы могли чуть-чуть дышать воздухом через маленькие решетчатые окошки.

Но не прошло и трех дней, как нас снова ночью выгнали всех из камер по двор, выстроили и под усиленной охраной конных казаков с обнаженными шапками легли по Самаре к вокзалу.

Нас провожала толпа самарских мужчин и белых. Они кричали лозунги: «Бейте их всех, красных гадов! Чего на них смотреть, на лупишнейшей родине!». Рубите их всех лопатами или из пулеметов — покончите их всех, красных гадов!»

Так истошно надрывались криками господа в шинлярах и бараны в шляпах.

А вальдем, из окоя полотновыми и сыдых дождя, нас провожали глаза рабочих. В это время мы свободно шествовать по улицам Самары

могла только белая конка. Рабочим самарского дело и самарских заводов белые не пустили на волю, опасаясь востания. Настроение у господ было панническое. Большевицкая гроза уже нависла над Самарой.

Время было два часа ночи. Группами, по 60—70 человек, стали нас уводить на линию желтой дороги. Слышались глухие ружейные выстрелы. Мы думали, что там расстрелявают, но оказалось, что всех сажали в эшелоны для эвакуации в Сибирь.

Нас было много. Набили эшелоны два эшелоны. Один эшелон русских, другой эшелон маждар. Вагоны были грязные, темные, без печек. По 60—70 человек набили в каждый вагон.

Утром, часов в 6, поезд смерти тронулся из Самары в Сибирь.

Поезд идет, а куда идет, мы не видим. Мы затканы в вагоны хуже, чем сено. Железные двери и окоя наглухо закрыты. На каждом проезде вагона стоит по два часовых белогардейца из уфимских татар. Чуть малейший шорох в окоя, — они стреляют.

Первая остановка поезда смерти была сделана на каком-то разезде, название которого и не помню.

Через 20—30 минут после остановки мы услышали выстрел залпом. Я стоя у окоя, но сидеть было негде.

Слышим второй залп... третий... четвертый... пятый. Сердце замерло.

Слабой рукой пытаюсь приткнуть немного окоя окоя, чтобы посмотреть своими глазами на смерть товарищей. С большим трудом открываю засасную дверь.

Груды убитых уже лежали под откосом, недалеко от линии железной дороги, у медкого лесочка. Рядом с убитыми выстроены были три колонны пленных, человек по 60 каждой. Донеслась команда:

— Господа офицеры, в комиссаров паш! — залпы — тра-та-та-та.

Ували жертью все до одного.

Пыль застыла, скжимая ручку притянутого окоя. Рядом со мной стоял у окоя бывший повзакотрожения товарищ Спирки. Я передал ему шопного:

— Массовый расстрел, расстрелявают всех...

А только до остановки поезда товарищ Спирки рассаживал, как он жил в ссылке на золотых приисках и шахтах. Как он сам организовывал рабочих к борьбе за рабочее дело. Сухая его, мы уже не боялись смерти.

Но залпы на остывшие снова наполнили сердца страхом.

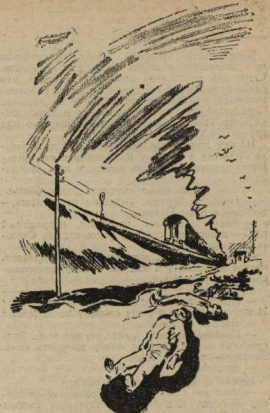
В соседний вагон ударили приказдом по накладной двери:

— Выходи все до одного, красная сволочь! Из вагона выгнали всех и повели к месту расстрела в лес.

Правильно к цели окоя еще раз. Вижу, как подводят товарищей к месту смерти.

— Господа офицеры, винтовки к плечу! — Вдруг три красногвардейца разорвали строй и побежали в лес.

За ними побежали десять белогардейцев, стреляя на ходу. Вот упал один товарищ, другой... Бегут и стреляют в третьего, но пули де-

тят мимо, а он уже подбегает к лесу и быстро скрывается в кустарнике.

Только один убекал. Один из тысячи расстрелянных на первой остановке поезда смерти. Опустило десять или тринадцать вагонов.

На второй остановке расстреляли еще больше.

Это уничтожение людей палачами рабочего класса было настолько зверским, что я, не писатель, едва ли сумел все это нарисовать.

По какой-то случайности наш вагон остался невостроеным, и я и мои соседи остались живыми. Нам довели до Иркутска. Поезд смерти был почти пуст. Осталось каких-нибудь пять вагонов.

В Иркутске нас расформировали. Часть поехали в Иркутскую тюрьму, остальных, в том числе и меня с братом, повезли дальше к Байкалу, в Китай.

Остановок было много и также с расстрелами. Убывали не группами, а по счету: одного из десяти, выстроивших в ряд вдоль поезда.

В Чите поезда смерти встретили рабочие чинтинского дело с хлебом в руках. Шли рабочие внах чина к нашему поезду. Белые вняли и подпустили их, а потом разрешили отдать помятки и хлеб, не допуская никаких разговоров. Но желание рабочих было не только насытить нас хлебом, но и сказать бодрое слово: «Мужайтесь, товарищи! Красные уже входят к Омску, не падайте духом, мы скоро востанем».

От самой Самары до Уфы нам совсем не давали ничего есть. В Уфе нам дали гнилых сухарей. Они были покрыты зеленой плесенью. Их не стали бы есть скотины. Но мы, не евшие 7 суток, с жадностью набросились на эти сухари.

В Уфе нас гонили обедать в военные барачки. Там навали в большие бачки горючих щей (по 10 человек на бачку) и мы без должк накннулись, как голодные звери, на вкисную пищу после 7-дневной голодовки. Многие обварили себе руки! Потом нам отнять ничего не давали от Уфы до Омска, а от Омска до Новосибирска и т. д.

Лещи в вагонах нам дали тепло в Красноярске. А мы все были в летней одежде, в сидевых тонких рубашках и штанах. О брюках тогда мы и понятия не имели.

Нас привезли в Никольск-Уссурийск. Это была последняя остановка поезда смерти. Никольск-Уссурийск был тупиком для него. Были слухи, что нас везли на остров Сахалин, но в Никольск-Уссурийске маршрут изменили. Нас всех выслали. Половина была больна тифом и другими болезнями от голода и простуды. Я видел, как пленники падали из вагонов под крутой откос железнодорожной линии, не дождавшись переезда до Никольска-Уссурийска.

Как стадо овец, нас отогнали сажен на 50 от линии, выстроили в колонны по 10 человек и приказали есть там, кто не может стоять по своей болезни. Я конечно съел первый, поэтому тогда был самым здоровым. Мой организм еще не поддавался болезни, он был крепким, как резина, туго подпадающая износке. В вагоне я ухаживал за своим братом, который был уже болен, как и другие пленники, заболевшие тифом от голода и гриппа.

От рук палачей погибли миллионы лучших сынов рабочего класса и крестьянства, поставших на борьбу против царского и капиталистического гнета и насилия.

Почти же память замученных и расстрелянных контрреволюцией беззащитных борцов за дело пролетариата.

Восстания и погромы нас около Никольска-Уссурийска, белые часы дав тонули нас неизвестностью. Что с нами хотят сделать? Рядом с нами, шагах в тридцати, так же как и мы, были выстроены мадыры, пленники второго поезда смерти. Им также приказали есть. Я сижу и наблюдаю, что будет дальше.

Послышался шокот. Прямо на нас скачет коница роты казаков с обожженными шапками. Мадыры все до одного были зверски зарублены, а ссаи остались в живых, то очень пелогито.

И дальше, как поется в песне, наотвучу ч на нам вышел седой генерал, и молвил он громкое слово:

Умк животных не трогать. По мнозици генерала нас не зарубили шапками, как мадыры, а решили поковысить из двух пулеметов, которые стояли в вагоне и были поданы пулемотом к месту нашей высидки. Пулеметы были уже пригатовлены и направилити на нас, но как нам после передавали, уничтожению из пулеметов воспрепятствовал американский Красный крест и никольск-уссурийские рабочие.

И нас погнали всех в Никольск-Уссурийск. Пригнали в баню, всех перемыли и одели в клетчатую одеждку американского Красного креста. Из бани нас погнали в американские бараки Красного креста и там койками, как на убой, жирным горячим супом с белым хлебом, мяснойю, белой, как снег, рисовой кашей.

После этого вкусного обеда нас вновь погнали на то же место, куда нас выслали из вагонов, и вновь стали салать нас, но только в другой — с удобствами: в вагонах были нары, было светло и тепло.

И поезд вновь тронулся, но не дальше, не на остров Сахалин, а обратно, в «Россию». До Харбина поезд вновь стал ходить по дороге. Плену нам давали хорошую и разрешали днем открывать окна. Но это только до Харбина.

Как только нас отвезли на 50 верст от Харбина, белогардые влоды стали распределять каждого десятого на пустынных разсздах.

Поезд смерти еще был жив. Он следовал обратно и через несколько дней вновь очутился в Иркутске. Была ночь. Поезд простоял до утра, и часов в 12 дня нас повезли дальше. В конце концов поезд смерти остановился в Усолье. Тут нас всех выслали, поставив на расстрелин, а попоину повезли на лошадах в Амурское дорожное кладорную тюрьму, в 25 верстах от Усолья.

Стоял 40-градусный мороз, а мы все в американских легкнх клетчатых костюмах, без шапок и фуражек.

Одна много по дороге от Усолья до Александровска померзало. В числе мерзевки орожденных людей был мой брат Георгий. Он был тифозный, и я думаю, что он изверил наплатити тюрьму, по своей просьбе, сдлал его живым человеком — отходил...

ДЕВУШКИ СТИРАЮТ БЕЛЬЕ

До локтя пенится в брызгах мыло.
Кухарка крепко мнит корвалл.
Правка пид из латя чай
И ворковала: — «Слушай, Петрович,
Давно бы стирку пора устроить.
С водой, родимый, не подкачай».
— Где мы, споможной мнговодно?
Частые змыи веселых ведед,
Тонкая дымка паровика?
Сунит меня твое самодуство,
Хриплый нитовед кованни «Урсус.
К заусе трудно нам привыкать».
Монтер загудял. Цитроприсрт торгует.
Одна надежда на само другую —
Из силу простых и трезвых рук!
И свежество первой струи плещится
Веск коллектив участковой больничны,
Когда вода зашумит вокруг,
А девушки штаят винт от крана,
Опыт наустит полную ванну,
Начнут полоскаться в душевом белье...
«Что ты, чулак, какие мы воры!
Госпиталь сдал нам сегодня ворох
Черных рубах, что станут светлей!»
Девушки поздно кончат стирать.
Песня кинит над котлами бане,
Банки прилежно струит жара.
Даже местком в свете поинной
Сильно разволнит, сывмет питна...
Девушки поздно кончат стирать.
Время прикончить грязную рутань.
Старый, заношенный, мелкий взор!
Двери на воздух давно открыты,
Жмутся полотна к шинку корыта,
Красные руки в страде горят.
Требует старик мир обожженый!
Хорош растет в тихой родальной
Писк обожженныи октябрь.
Грех обожженый замойте, няни!
Вкус вистоты, белазна вымываи...
Пудут на пачки, приконрт гурау,
Кончу разлуку вертеть и выдуу
К вам помянется на волоо сыто,
Майкой выглаженной свернутой.
Ручея закватный, промываи в бархат —
Время одеться прочно и ярко,
Вычесать швей из волос ребят!
Бейте руками по грязи пестрой,
Чините стиральные мирные стрелы!
Складками солнца ринь богаты!

ПРОЩАНИЕ С ТОВАРИЩЕМ

В изгородях
наших желтых кружев
Набегает на пергаментный висок.
Жестко,
чувствуешь?...
Хоть много смелых стружек
в этом углублении из досок.
Боль утраты
станет ли
тупее?
Странно видеть мне
тебя
таким...
Только те же
остались
портуней
Да к твоей груди приросший
«КИМ».
Память жжет
последней встречи дата...
Жду:
как прежде,
хлопнешь по плечу,
Я б за шутку злу,
как когда-то,
Больно вырала б тебя
за губ.
Глубоко песок холодный вскопан,
В тесной яме
пританцал мгла.
Владимя лишь под микроскопом
Палочка
убить тебя смогла.
Плакать?
Нет!
Не дам я воли нервам,
Хоть и близок
слез соленых вкус...
Жаль —
не стал ты
красным инженером,
За полгода сдвинул третий курс.
Дождь весенний!
Капли дождевые
Входят в землю —
так и мы,
урожай взнести...
Так и мы,
уираем,
живые,
Будем
и работать
и расти!

В творческом коллективе «Смены»

За три месяца своего существования творческий коллектив при редакции «Смены» вырос количественно и укрепил качество своей работы.

Творческие декаданты посещаются большим числом новых людей. Приходит литературный моделинк с «Электрпровода», завода № 1, автобаны М 1 и др. В творческое объединение входят члены литобъединения при «Огоньке» тт. Фолинин, Подделков и др., которые поделились опытом своей работы и выступили с четкой своих произведений.

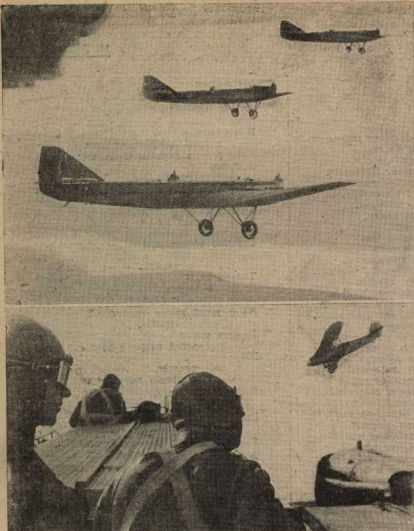
Два декаданты в поибре были посвящены лирике: читала свои стихи поэтца Коваленков и Сидоренко. Их вещи, глубоко лирические и эмоционально насыщенные, доказывают, что советская лирика выходит на широкую дорогу, и есть все возможности для ее углубления и развития.

Выступившие в обсуждении друг. Постелов и поэт Ив. Молчанов квалифицировали творчество обоих поэтов как новый шаг в развитии молодой советской лирики.

Читавший на следующем декаданте Евг. Абросимов произнес хорошее впечатление свежество своего языка, смелым и крепким введением диалога в стихи. Несмотря на короткий литературный стаж, т. Абросимов проделал большую работу над своим творчеством.

На последнем декаданте выступил с докладом об итогах январского пленума ЦК и ЦКК и творческих задачах ответственный редактор «Смены» т. Вельмин. В обсуждении доклада принял участие все присутствовавшие. Горич и деловой характер прений показал, что объединение волнует не только узко литературные вопросы.

После обсуждения доклада читали свои стихи члены литобъединения «Огонька» — Фолинин и Подделков. Их произведения обсуждалось в дружеской обстановке, которая доказывает, что есть все возможности для еще более тесного сближения литобъединений «Огонька» и «Смены».

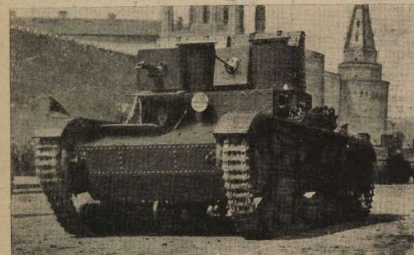
Воздушный бой

Учебка военной артиллерии

Ручные пулеметы

И. ГАЗУКИН

Танки типа «анкиворт»

Моторизованная артиллерия

Боеиспособность Красной армии складывается из классовой сознательности, политической подготовки, бесной выучки, технической грамотности, культурного уровня бойцов, качества современных новейших технических средств борьбы и овладения ими. Сейчас еще все армии вооружены магазинными винтовками, но имеется довольно большое стремление к переносному виду армейских автоматических винтовок для полевой войны, самозаряджающихся.

Ручной пулемет появился во время империалистической войны 1914—18 гг. Он изменил тактические приемы, так как «разрывная» артиллерийская огнем и огнем станковых пулеметов среднего калибра не могла дать сильного огня, а ручной пулемет устранил огонь, привнес в себя задачи, лежащие в области стрелкового боя. Ручной пулемет, изменившись в стрелковом отделе, изменил формы групповой тактики.

Станковый пулемет почти не изменился качественно, но к настоящему времени в вооружении всех армий занимает большое место. Увеличение количества станковых пулеметов расширило их задачи. В настоящее время станковые пулеметы применяются как по живым целям — по пулеметам противника, по вражеским сооружениям, — т. е. по тем целям, по которым велся огонь и во время империалистической и гражданской войны, так и по воздушным целям и по бронетанкам.

Крупнокалиберный пулемет, появившись в связи с бурным ростом бронетанковых средств и воздушного флота, в последнее время играет довольно значительную роль при его применении в ходе борьбы с бронетанками и самолетами.

Мелкокалиберная артиллерия нововидна, значительно превосходит артиллерию противника и является почти универсальной, легкая и мощная по боеиспособности средству.

Артиллерия средних и крупных калибров кроме колоссального роста за последнее время претерпела значительное качественное изменение. Это связано с увеличением дальности стрельбы, переводом части артиллерии на механизированную тягу и на самоходные установки, что во многом оказывает значительное влияние на изменение способов использования артиллерийского огня в современном бою.

К новым средствам, значительно влияющим на характер ведения войны, относятся военно-воздушные силы, получившие бурное развитие.

В пролгу империалистическую войну военно-воздушные силы применялись главным образом как средство, содействующее действиям пехоты и кавалерии. Роль авиации сводилась по преимуществу к разведке, и только в редких случаях использовалась как боевое средство для бомбардировки и штурмовых действий.

Военно-воздушные силы претерпели новый «роль войска» — противозенитную оборону, специальные части со свойственными им организацией и тактикой. Имперозенитная авиация будет применяться не только на вооруженном фронте, но и в тылу. Средства противозенитной обороны должны иметься не только в войсках, но и у всех возможных объектов воздушного противника, в которых относятся экономические, хозяйственные объекты промышленности, предпрятия, электростанции, важнейшие сооружения и т. д.

Противотанковые средства своим применением в массовом разряде еще в пролгу войну оказали значительное влияние на формы боя, на изменение отх фронта. Такая способность возродили маневренность наступления фронтов, пропала империалистической позиционной войны. Такая авиация имеет больше развить глубину боевого порядка как в обороне, так и в наступлении. В будущую войну тактика будет применяться

в больших массах. Будет использоваться в массовом разряде и в пролгу боя.

Противотанковые средства противотанковой обороны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Хозяйственные средства противотанковой обороны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Для противотанковых средств противотанковой обороны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Значительное влияние оказывает не только средства противотанковой обороны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Средства механизированной войны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Средства механизированной войны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Средства механизированной войны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Средства механизированной войны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

Средства механизированной войны, атаки танков. Современное состояние боевых действий, войсковых соединений.

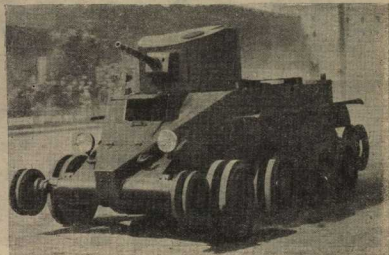

На борту подводной лодки

Химия на службе обороны. Дымовая завеса

Танки типа «Кристи»

ОТ

Снайперная учеба в воздушном флоте

Шото М. Хана

СТАЛИН

Из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современное оружие обороны и снабдить им свою армию в случае неподходящих условий.

Средства не только изменили, а значительно улучшили, так и в количестве они стали новые средства — пропуская отбивать, массовые будут участвовать почти по частям — от крупнейших меховых до подразделений. связи с бурным ростом ипотечку времени настолько и средства борьбы в исследовались старые и появлялись новые химических средств. будет связываться по мере населения в глубоком

Средствам применяются в которые должны быть в первые исследования, так как борьбы возросла до сотен в боевые действия войск боевые средства, т. е. химические средства, которые в боевые средства. Так впер в автомобилях в войска в способ в соразнос

Вот та экономическая база, которая делает неизмеримо сильной Страну советов и ее вооруженную силу. Но успешнее выполняются задания даю не одну только технику. Издается Красная армия и выдвигает кадры. К 15-му годовщине Красная армия приходит на 30,4 проц. с партиями и комсомольским составом. К настоящему времени созданы все условия к тому, чтобы Красная армия была достойна той техники, которую дали ей партии и рабочий класс. Власти Красной армии следуют к дальнейшему повышению политического воспитания, к дальнейшему расширению ядра парторганизации вокруг партийного ЦК и борьбе с врагами и слепыми узниками, к повышению культурного уровня и овладению техникой. Овладение техникой является одной из центральных задач второй пятилетки. Эта задача является ведущей для Красной армии, так как чем сильнее и многочисленнее техника, тем сильнее ее использование, тем труднее производство этой тем войск, тем следовательно должны быть более подготовлены кадры. Техника не только во много раз увеличивает выучку обороны, она предвзлетает к нам — армейские работники — труднее и труднее. Новая техника требует от нас как постоянной работы над собой, изучения этой техники, ее освоения, приобретения твердых навыков для боевой работы с этой техникой. Прогрессивные комсомолы, шед морского и воздушного флота, могут и должны сделать все возможное для того, чтобы поднять на ее большую высоту боевеспособность вооруженных сил социалистической страны.

быть приняты и использованы в военном деле. Какимидея на первый взгляд стужбо мирные отрасли знаний, как геологиз, метеорология, метеорология, сейсмология и т. д., тоже могут быть применены, а многие из них уже применялись в военном деле. В прошлом империалистическую войну 1914—18 гг. между войсками с сооружениями прочими и удобных для боювой укреплений выбирался геологами и почвоведом вместе с командными составом.

Для правильного определения предстоящей погоды применялись знания метеоролога и т. п. Многие науки являлись еще истинно и врывались в войска и из действия. Вот же далеко немало разобраные технические средства, которые, внедряясь в армию, указывают ее боевеспособность и характер ее действий.

Что же дало выполнение первой пятилетки для Красной армии? Какая создана база по производству технических средств борьбы, могущих сделать вооруженную силу пролетарского государства технически слабостройной и такой же мере, как вооружены армии наиболее могущественных капиталистических стран?

Пролетариат и трудовое крестьянство Советского союза выполнением первой пятилетки создали новую мощную промышленную базу.

Наша промышленность в настоящее время в состоянии дать Красной армии все новейшие технические средства.

У нас есть металлургическая база, тракторная промышленность, автомобильная промышленность, станкостроение, химическая промышленность, сельскохозяйственным машиностроением, авиационная промышленность, производство электрической энергии, добыча нефти, добыча угля, мощный железнодорожный транспорт.

Советский союз, сделавшись индустриальной страной, стал страной крупнейшего сельского хозяйства. Коллективизировавшей охватили свыше 60 проц. крестьянского хозяйства. Миллионы коллективных крестьянских хозяйств объединились в 210 тыс. колхозов. Создано 5 тыс. совхозов и 2,446 машинно-тракторных станций.

Наша промышленность в настоящее время в состоянии дать Красной армии все новейшие технические средства. У нас есть металлургическая база, тракторная промышленность, автомобильная промышленность, станкостроение, химическая промышленность, сельскохозяйственным машиностроением, авиационная промышленность, производство электрической энергии, добыча нефти, добыча угля, мощный железнодорожный транспорт.

Советский союз, сделавшись индустриальной страной, стал страной крупнейшего сельского хозяйства. Коллективизировавшей охватили свыше 60 проц. крестьянского хозяйства. Миллионы коллективных крестьянских хозяйств объединились в 210 тыс. колхозов. Создано 5 тыс. совхозов и 2,446 машинно-тракторных станций.

Вот та экономическая база, которая делает неизмеримо сильной Страну советов и ее вооруженную силу. Но успешнее выполняются задания даю не одну только технику. Издается Красная армия и выдвигает кадры. К 15-му годовщине Красная армия приходит на 30,4 проц. с партиями и комсомольским составом.

К настоящему времени созданы все условия к тому, чтобы Красная армия была достойна той техники, которую дали ей партии и рабочий класс. Власти Красной армии следуют к дальнейшему повышению политического воспитания, к дальнейшему расширению ядра парторганизации вокруг партийного ЦК и борьбе с врагами и слепыми узниками, к повышению культурного уровня и овладению техникой.

Овладение техникой является одной из центральных задач второй пятилетки. Эта задача является ведущей для Красной армии, так как чем сильнее и многочисленнее техника, тем сильнее ее использование, тем труднее производство этой тем войск, тем следовательно должны быть более подготовлены кадры. Техника не только во много раз увеличивает выучку обороны, она предвзлетает к нам — армейские работники — труднее и труднее. Новая техника требует от нас как постоянной работы над собой, изучения этой техники, ее освоения, приобретения твердых навыков для боевой работы с этой техникой. Прогрессивные комсомолы, шед морского и воздушного флота, могут и должны сделать все возможное для того, чтобы поднять на ее большую высоту боевеспособность вооруженных сил социалистической страны.

На истребеле «Авропа»

Тачанки на плаву

На смену старому Екатеринбургу появился социалистический Свердловск. На снимке: здание Госпромувала

Фото А. Скуратова

Д. АРЧИН

Наши дома

Каждая эпоха знает в архитектуре свои главные, ведущие темы, в которых с наибольшей четкостью и законченностью складается и оформляется архитектурный стиль — язык того класса, который в эту эпоху является водителем исторического развития. Когда-то такими главными темами архитектурного творчества были последовательно храм, феодальный замок, дом-дворец богатого бюргера, помещичья усадьба, затем при господстве промышленной буржуазии — городской особняк и доходный дом; в новейшее время, в эпоху финансового капитала, к ним присоединяются громадные деловые сооружения капиталистического города — здания банков и кошернов, огромные универмаги, небоскребы постройки современного Сити. Архитектура социалистической стройки противопоставляет всей этой тематике свои ведущие объекты: новые города вокруг новых сооружений социалистической индустрии, общественные здания массового назначения — рабочие клубы и дворцы культуры, рабоче жилье. Именно здесь, именно в этих ведущих объектах нашей архитектуры и рождаются новые типы зданий, пока еще

намеченные первыми, приблизительными, решениями, но уже отчетливо несущие в себе зародки нового быта, нового жизненного стиля и нового стиля архитектуры.

Рабочий клуб — один из таких архитектурных объектов, ярко характеризующих нашу эпоху, эпоху небывалого движения масс к высотам культуры. С точки зрения архитектурной, наш клуб — своеобразнейший организм, не имеющий precedентов в строительном багаже прошлого. Это как бы — новая разновидность, новая порода архитектурной флоры. Архитектуре нужны свои Мичурини, чтобы создать и взрастить эти новые породы домов. Одного скрещивания старых пород тут недостаточно. Сколько ни соединяй, скажем, театр с учебным помещением, дом отдыха со стадионом, общественную библиотеку с детским садом, мы не получим архитектурного типа рабочего клуба, хотя последний содержит в себе элементы и театра, и школы, и общественной библиотеки, и физкультурной станции...

К сегодняшнему дню мы имеем уже вышеступительный опыт проектирования и строительства рабочих клубов и дворцов культуры — от

громадных сооружений, главные залы которых вмещают по несколько тысяч человек, до скромных, несколько расширенных красных уголков. Профсоюзная сеть охватывает свыше 500 новых клубных зданий, и это строительство означает для архитектуры громадной важности опытную работу по созданию нового типа общественного сооружения. В образчиках нового клубного строительства мы можем проследить, по каким путям идет искания этого нового типа, какими успехами и какими срывами эти искания сопровождаются.

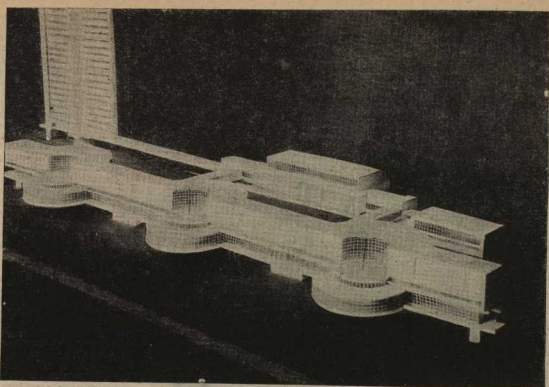
Прежде всего архитектура еще недостаточно поняла, что такое рабочий клуб как определенный общественный организм. Это сказалось особенно ясно во внутренней планировке клубного здания. Вель клуб — это сложный, органически цельный комплекс, включающий такие части, как зрительный зал, сцену, аудиторию, библиотеку-читальню, комнаты для производственно-технических занятий, различные учебные кабинеты, помещения для отдыха и игр, школьные и детские комнаты, физкультурный зал, различные мастерские, столовые и так далее.

Недавно буржуазные архитекторы проектировали вогучие небоскребы. Сейчас архитектурная мысль Запада разрешает проблему... авгдорских лабиринтов для населения катанских пригородов на городо. На снимке: дома-коттеджи в оживленном поселке „Бизельхоф“ около Берлина

Потому неверно поступает тот архитектор, который решает задачу планировки клубного здания как театра, к которому лишь прибавлены довольно неопределенные «кружковые» помещения, очень часто представляющие собой чисто механический придаток к основному архитектурному ядру — театральному залу. Возьмите значительную часть новых московских клубов — например «Каубуз» или «Буревестник», или Русаковские клубы: здесь кружковые комнаты являются почти что задворками клуба, а в некоторых зданиях ряд важнейших отраслей клубной работы архитектурно просто не предусмотрены.

Тенденция архитекторов превратить клуб в районный театр оказалась и в трафарете клубных фойе, этих сараинного типа зал, перенесенных сюда из театральной практики и не приспособленных к активному участию в работе всего клубного здания. Точно так же и клубная сцена в большинстве случаев лишена в этих новых постройках своей специфичности. Ведь сцена в клубном театральном зале должна быть приспособлена как для гастролирующих спектаклей профессиональных театров, так и для работы самостоятельных кружков, трамбов, клубных сценических коллективов. Следовательно клубная сцена должна учитывать эти особенности, должна давать простор изобретательности самостоятельного театра, должна помогать ему отыскивать новые формы сценического выражения. А во многих наших клубах мы имеем лишь трафаретную сценическую коробку, напоминающую сцены в старых провинциальных театрах. И даже такой гигант

Одним из многих проектов домов-коммун, механически разрешающих проблему обобщения быта. Нагромождение многоэтажных коробков. Все помещения «обобщающего сектора» сосредоточены в первых этажах. Слева на снимке: 23-этажный небоскреб, где расположились спальные «кабины». Характерно, что в проекте этот дом именовали гигантские пельменные слоты

ним лицом. Надо сделать самую архитектуру участницей той работы, которую выполняет клуб.

Вряд ли можно согласиться с такой архитектурной трактовкой клуба, которая исходит из отвлеченных, узких данных форм или же эстетизирует те или иные элементы современной техники. В здании клуба им. Фрунзе, воспроизводящем форму эскалатора, или в клубе «Рот фронт» (при типологии Огиза на Памосковской), подражающем пароходу, или в том

каком-нибудь деловом помещении — в школьном здании или в магазине, — мы воспринимаем его архитектурные черты с гораздо меньшей остротой и непосредственностью, а иногда и вовсе «не замечаем» архитектуры. Иное дело, когда мы входим в клуб. Самое назначение этого последнего — давать посетителям разнообразное культурное обслуживание, отдых и развлечение — предрасполагает к живому и обостренному восприятию всех архитектурных особенностей здания, занятию клубом. Это здание нельзя отделить от самого существа клубной работы, и архитектор обязан использовать все возможности для того, чтобы придать клубному помещению (отдельно не только со стороны фасада) черты ярко выразительные, впечатляющие, дающие художественный эффект. Разнообразное и продуманное использование цвета, этого сильного средства, многократно повышающего пространственную выразительность любого помещения (даже самого ordinарного), должно применяться клубным архитектором решительно во всех частях и элементах здания. Отличного привития однообразных комнат и зал надо перейти к несравнимо более сложному и выразительному оформлению пространства; здесь сыграет свою роль и цвет — умелое применение различных видов окраски в различных помещениях — но отнюдь не только один цвет. Сочетание двухцветных помещений с

Клуб при фабрике «Буревестник» — один из интересных образцов клубного строительства

нового клубного строительства, как Московско-парисский дом культуры в Ленинграде, не избежал подобного трафарета.

В большинстве клубов мы имеем довольно однообразную схему планировки клубного помещения, представляющего собой театр плюс некоторый комплекс специальных отделов физкультурного зала. Между тем формы клубной работы чрезвычайно многообразны и подвижны, и вот этой черты не сумела уловить и зафиксировать в планах своих построек наша архитектура.

Создала ли наша архитектура новое лицо рабочего клуба, если говорить о внешнем оформлении клубных зданий? Надо сказать, что облики многих рабочих клубов резко выделяются среди других новых зданий города. В Москве, идя по Лесной, нельзя не остановиться около стелющейся цилиндрической башни, к которой с двух сторон примыкает, вернее не примыкает, а как бы выдвигается, темпосредие горизонтально-проезанных квадратных отверстий окон. Здание клуба коммунально-промышленничков как бы вбирает в себя, стягивает к себе окружающие постройки, передает в самом ритме архитектурных пропорций центристическое движение. На Огородной улице (между Каланчевской пл. и Сокольники) рядом с промышленными домами большой московской окраины выступает необычное здание клуба «Буревестник» в клуб им. Петра Алексеевича при текстильной фабрике контрастирует своими скромными очертаниями с доминирующим профилем Русаковского клуба на Стромынке: три громадных усеченных пирамиды опоясывают на высоте третьего этажа поперушный фасад, выступающую наружу, как три гигантских рунора. Это балконы зрительного зала, архитектурно «объединены» и показаны наружу.

Нельзя сделать клуб внешне непохожим ни на какое другое здание, — надо связать с этой отрицательной физидуриковой ее и определенное положительное содержание. Надо надписать клубное здание своим художествен-

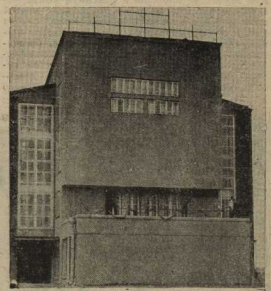

Дом сотрудников Ниромфина (архитектор Глеб Бурга) на Новинском бульваре. Образец архитектуры того конструктивизма: столбы вместо 1-го этажа, сплошные стальные ланты окон и т. д. Эти элементы в данной постройке носят характер чисто формальных приемов. Во внутренней планировке применен принцип «улицы внутри дома», — длинный «коридор», тянувшийся вдоль всего фронта дома

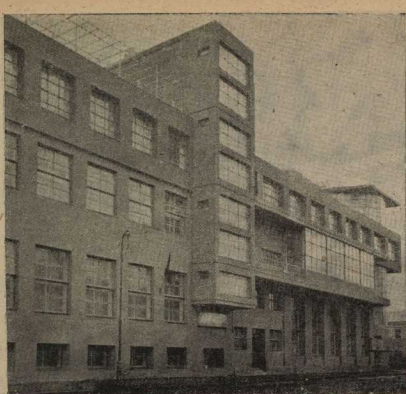
же Русаковском клубе — архитектура явно навязывает клубному зданию формы.

Таких же худом в сторону от нужных решений является тенденция некоторых архитекторов вовсе отказаться от художественных задач архитектуры, замкнуться в строго деловом, «функциональном» решении, т. е. по существу отнять у клубного здания сильнейшее средство художественного воздействия — его собственный архитектурный облик.

Между тем клуб, как никакое другое здание, представляет собой особенно благоприятный, так сказать, художественный объект для архитектурного творчества; самое воздействие архитектурной формы в клубном здании гораздо острее и глубже, чем в других видах общественных сооружений. В самом деле, находясь в

Клуб им. Фрунзе в Москве. В основу архитектурного оформления рабочего клуба алял внешний облик «автомата». В году этому формальному внешнему типу присягнули в жертву и художественные и другие типичные требования, предъявляемые клубному зданию

Несмотря на ряд дефектов во внутренней планировке здания, оно является одним из интересных образцов клубного строительства первых лет первой пятилетки. На снимке: клуб имени Зуева (Шеллепкинское трамвайка)

обчужены, одноосветными, использование верхнего света, продуваемые переходы одного помещения в другое, изгнание коридоров, почему-то излюбленных нашими архитекторами в целом ряде новых клубных построек, тщательное разработанные связи между отдельными частями здания — все это должно умело применяться архитектором, проектирующим и строящим клуб.

Совершенно ясно, что извлекать максимум художественной параллелистичности из архитектуры клуба можно только при тесном сотрудничестве архитектуры с изобразительным искусством — скульптурой и живописью. Не случайные статуи и картины, а изобразительно-формальные здания снаружи и внутри, предусмотренные в самом архитектурном проекте, должны создать нову для этого сотрудничества трех искусств.

Еще более велика задолженность нашей архитектуры в области жилья по части создания новых типов жилых зданий, действительно отвечающих требованиям жизни.

Архитектура капитализма канонизировала два основных типа жилищного строительства: многоквартирный «кладовый дом» и особняк «коттедж». Первый тип непосредственно вырос из земельной ренты, из института частного дома и домовладения, из эксплуатации жилья как капиталистического предпринятия. Минимум земельной площади и максимум коммерческой доходности от сдачи отдельных частей дома в наем — таков основной заказ, следуя которому формировался тип «кладового дома». Особняк — коттедж — другой тип, рассчитанный уже не на коммерческую эксплуатацию его по принципу «один дом — одна семья». В условиях капиталистического

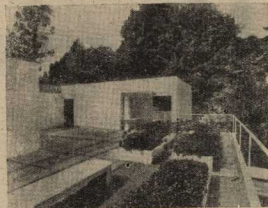

Клуб имени Русакова (союз коммунистиков), Москва. Выступающие наружу балки витрепного вида образуют форму своеобразного рупора. Этот внешний эффект не оправдан ни со стороны художественного замысла, ни со стороны внутренней планировки здания

оживленного хозяйства — это обособленный тип жилья — почти исключительное достояние рантьевого круга, и бытовые идеалы исконно вырваны от самого крупного до самого мелкого, неизбежно замыкаясь обособком — будь то роскошный вилла с садом, гаражом и службами или скромный коттедж английского типа.

Западная архитектура о речена работать в замкнутом кругу этих двух основных типов жилья. Проблема массового жилищного строительства лежит вообще за пределами архитектуры: эта проблема кредитов, теневых и грязных трущобных кварталов Лондона, Нью-Йорка, Парижа казарины при фабриках, а в последние время — какими самодельными жилищами из ящиков и случайных материалов, жилищами, созданными безотчетными на окраинных пустырях больших городов...

Однако западная архитектура в первую голову о жилищного комфорта и выгодах владельцев «кладовых домов», выделала ряд «левых» своих групп, уснащено разработавших проблему так называемого «идеального» жилища. Нечего и говорить, что речь шла меньше всего о жилище для рабочих; архитектура в данном случае выполняла заказ мелкобуржуазных слоев на создание такого типа жилья, которое было бы доступным для слоев и в то же время сохраняло традиционную схему «приличной» буржуазной квартиры.

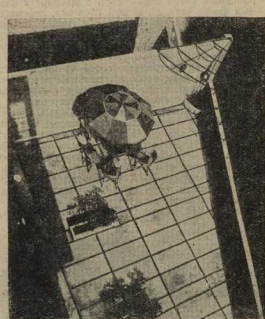

Терраса на крыше — проект арх. де-Нарбуэ

Надо сказать, что в этом направлении полейная западная архитектура сделала немало технически интересного и заслуживающего бесспорного внимания. рациональное использование пространства в небольших жилищных ячейках-квартирах, усовершенствование внутреннего расположения отдельных частей квартиры, улучшение условий естественного освещения и т. д. — пад всем этим немало поработала новейшая архитектура Запада. Типичная небольшая жилая ячейка и наиболее экономичное соединение ряда ячеек в один архитектурный комплекс — жилой блок, — упорядочение неважного и беспорядочного расположения лестниц, неважной коридорной системы, упорядочение внутренних дворовых пространств, правая

ориентация окон в отношении стран света — эти и другие рационализационные моменты валио в ряде построек современных архитекторов.

Однако, выполняя эти рационализаторскую работу, «левая» западная архитектура не вышла за пределы своего заказа, не сумела преодолеть мелкобуржуазной ограниченности своих идеалов. Эти идеалы не пошли дальше того райтерского особняка. Сочетать «левые» жилищные о обособком — вот как формулируется основная задача, решить которую вылезла «левая» архитектура. И для целого ряда созданных ею новейших поселков и «домов» — небольших квартир типично это сочетание

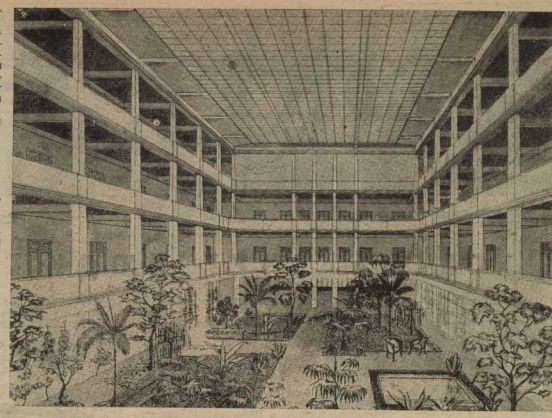
Терраса на крыше. Архитектор Кеслер. Плоская крыша может быть использована под площадку для игр и отдыха

минимального жилого пространства с обособком характером каждой жилой ячейки. В новейших поселках («эзиднуях») немецких архитекторов Гропиуса, Май, Кеслера, Радина, голландца Ауде и других жилище было состоит как бы из иристантальных друг к другу маленьких коттеджей, так что каждая квартира располагалась в двух этажах. Этот архитектор хочет создать жилишко «отдельного дома», излоию обособком коттеджного жилища.

Падя архитектура, используя ряд рационализаторских моментов, внесенных в жилищное строительство новейшими архитектурными течениями Запада, не пошла разумеется по пути тех же поисков иллюзорного обособком идеала. В течение ряда последних лет различные течения советской архитектуры усиленно разрабатывали проблему жилья в той новой ее постановке, которая продиктована всем содержанием нового быта. Однако полученные как явно ошибочные решения, выдвинутые в процессе этой работы, так и первые попытки приблизиться к действительности жилищным новым типам жилища.

Идея обобществления определенных сторон бытового обслуживания, идея противопоставления нашим бытом обособком идеалу «левых» архитектуры, идея быта реализована в некоторых наших архитектурных группах и явилась обыкновенно, грубо упрощенном виде. Быт, бытовые процессы, живое течение жизни механически угодоблялись произведены на отдельные стадии, подобно отдельным стадиям непрерывного, конвейерного потока производства. В результате — схема «дома-коммуны», выдвинутая тогда три года группой архитекторов, работавших при стройках РСФСР, и предлагавшая чисто механическое обобществление быта и столь же механическое его расчленение на отдельные процессы зонирования. Быт был разбит на отдельные этапы, рассчитанные на 100 человек: 1) для взрослых, 2) для детей школьного возраста и 3) для детей дошкольников. В корпус для взрослых четыре жилых этажа заняты помещениями: «детская» — игровой, столовая, комнаты для занятий, для отдыха,

библиотека и пр. В верхних трех этажах — индивидуальные ячейки с минимальной площадью — кабинеты, где помещаются лишь кровати, стол, небольшой шкаф. Корпуса для детей вмещают различные учебные и спальные кабинеты; столы, кровати и площадки для игр и т. п.

Проект клуба САГИ (Москва, архитекторы Лужачев и Фудель). В этом проекте учтены как коллективные, так и отрицательные урбано-строительные потребности последних лет. На снимке: один из внутренних дворов

Этот проект (оставшийся только проектом) механически решал вопрос об индивидуальном жилье, фактически оставляя для него лишь спальные кабинеты; столь же механически упрощено производилось деление всех обитателей дома-коммуны на три возрастные группы, причем дети отделялись от родителей — свой корпус — так дается. В собственном архитектурном отношении эта схема была к необходимости отдавать значительную часть полезной площади под коридоры и переходы, ибо расчленение мест питания, мест сна, мест занятия, отдыха и т. д., а также отделение взрослых детей требовало связи между целым рядом частей здания, иногда весьма удаленных друг от друга. Это и вело к бесконечным коридорам, к унылым интерьерам дома.

Такой «унылы» в доме, являющийся вообще показателем часто механического решения внутренней планировки, не избежал и реализованный в Москве интересный проект нового типа жилого здания в постройки дома сотрудников Наркомфина (Новинский бульвар, проект арх. Гинзбурга). Желая установить более тесную связь между отдельными ячейками-квартирами, архитектор положил в основу внутренней планировки каждого этажа длинный коридор, тянувшийся от одного конца дома к другому. Эта «крытая улица», на которую выходят своими дверями отдельные ячейки-квартиры, на деле не столько связывает их между собой, сколько раздвигает, подчеркивает обособенность каждой ячейки.

Из ошибок первых проектов «домов-коммунал» архитектура должна сделать (и уже делает) практические выводы. Идея объединения различных бытовых процессов отнюдь не должна означать ограничения индивидуальных элементов жилья какой-то «кабиной». Развитие коллективных начал в быту вовсе не означает стеснения индивидуальной бытовой свободы, и только примитивное, упрощенное, механическое представление о коллективном жилье как жилье казенно-вагонного типа могло породить проект этих самых «кабин».

Архитектура ищет новых типов жилья, выходя в план жилого дома ряд общественных элементов учреждений. Столовые, клубные комнаты, детские сады, физкультурные станции и библиотеки-читальни должны быть предусмотрены планом нового дома.

В план и архитектурное оформление жилья должен быть внесен ряд новых приемов и ме-

тодов, которые бесспорно являются положительным достижением новой архитектуры: больше света в помещениях, больше открытых пространств, связанных с помещением (использование плоской крыши, открытые балконы и полуоткрытые «лоджии»), применение встроенных шкафов и других элементов.

Важнейшей проблемой жилищной архитектуры является вопрос о внешнем оформлении здания.

Большое число новых жилых домов, в том числе больших сооружений, охватывающих по несколько корпусов, а иногда и занимающих целый квартал, представляют собою в архитектурном отношении попросту пустое место. Достаточно привести в качестве примера целый ряд новых рабочих домов в индустриальных районах Москвы (поселок Лубовка, жилые дома при «Шарнополюшниках», студенческие общежития в Дорогомилово и много, много других); в этих новых постройках строго выдержан «принцип»: «дом — это коробка с окнами и дверями». Этот, с позволения сказать, «принцип» обычно пытаются обосновывать требованиями максимальной экономии и удешевления строительства. Впрочем, дело тут не только в обоснованности этого порядка: коробочная «архитектура» является в то же время прямым логическим следствием тех теорий, которые отрицают вообще за архитектурой всякие художественные задачи.

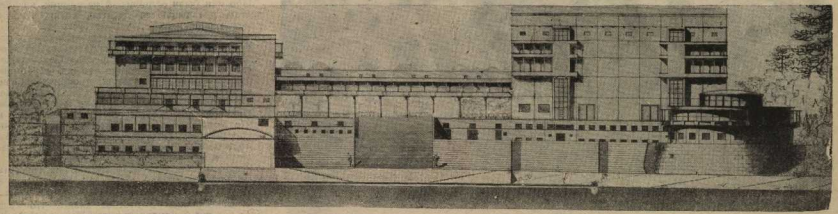
И те и другие «обоснования» — яркий пример грубого искажения того громадного и глубокого нового содержания, которое вкладывает прогрессивная архитектура. Никакими якобы рационалистическими догматами, никакими ложно понятыми требованиями простора и дешевизны нельзя оправдать придания казенному уни-

форме новым жилищам, которые строят рабочий класс. Максимальное удешевление строительства — первейшая обязанность всех строящих организаций и архитекторов; но не превращением нового рабочего жилья в жилищказарму должно быть достигнуто это удешевление, а наиболее целесообразной постройкой всех процессов стройки, умелым применением местных материалов, механизацией работ, использованием всех внутренних ресурсов строительства.

Против догматов-ионизмов, за полноценные архитектурные произведения! Этот лозунг должен мобилизовать творческую энергию наших архитекторов, развить и углубить творческое соревнование лучших сил нашей архитектуры.

Попытки понять этот лозунг как призыв к механическому подражанию архитектуре старине должны встретить решительный отпор. А такие попытки бесспорно имеются. Важнейшая и глубочайшая мысль о необходимости критически использовать в нашем строительстве все самые высокие достижения архитектуры прошлого (а без такого использования неминуемо движение вперед нашей архитектуры) некоторые подменяют слепым копированием старых памятников или эклектичной смесью из самых разнородных архитектурных стилий. Надо ли доказывать, что предавать нашей эпохе, классу, творившему ее историю, подобные копии — значит элементарно не понимать самого существа нашей культуры. Каждый архитектурный стиль говорил языком своей эпохи, языком тех общественных отношений, которые составляли социальное содержание данной эпохи. Наминяя новую эру, открывая подлинную историю человечества, мы обязаны уметь творчески использовать все лучшее, что создано человеческим гением во все эпохи прошлого. Но использовать творчески-критически.

Наша архитектура располагает всеми предпосылками для всестороннего расцвета этого творчества. Советский архитектор свободен от множества пут, связывающих архитектурную работу на Западе, и обладает такими орудиями, какие никогда еще не имелись в распоряжении архитектуры. Он может — впервые в истории — создавать по одному плану не отдельные, изолированные дома и целые города, — он может получить единому замыслу целые улицы, площади и кварталы в реконструируемых старых городах. Он может напечатать архитектуру всем многообразием нового быта, новой культуры. Советская архитектура активная участница типовой работы по реконструкции городов, призвана создать здания и комплексы зданий, всеми своими формами выражающие новое содержание.

Проект строящегося клуба САГИ. Четко расчленены отдельные элементы клубного комплекса — вестальный зал, зал для физкультур, корпус клубных и учебных комнат и др.

М ГОЛЬДБЕРГ и Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Фото А. Смуркина и Е. Лангмива

СОСНЫ, СНЕГ ЛЮДИ

Электрические буквы расположены по вертикали. Освещенные ими, падают из черной глубины маленькие и большие хлопья снега. Электричество озаряет этот бесподобный радостный суматошавый снегопад.

Снежинка перегнала снежинку и уселась на ялы берет девушки.

Опоздавшие снежинки пришлось довольствоваться пуговкой старой кепки.

Парень в кепке крепко сжимал лодку девушки в берете.

Зайти? Каждая лампочка, ввинченная в саженные буквы, обещает веселье.

Рокочет радио.

Какот открыт.

А завтра выходяной.

Где-то когда-то был на катке. Теснота в раздевалке. Нудное выставившие очереди. Наконец-то! Возни с металлическими лопками, ключом, веревочками. Потом—выходилиш на лед, нетвердо ступая на снегурочках... Берет и кепка поднимае из мостки.

Внизу, прыгнувшись, заложив руки за спину, летели конькобежцы.

Гибкие девушки в свитерах парой идут по сильному течению катка. Цугом, держась за талию, мчат затннутые в трико тонзилки. Как плавно выбрасывают они черные ноги! Радио качает конькобежцев, как волны. Рупоры вытравивают губы, слыась не сорвать ноту вальса.

А вот двое смотрят на лед, как немужеский панавать гайдит из лодки на середине реки. Они примерзали ко льду. Инструктор с красной повязкой на рукаве подбегает к ним и протягивает руку...

Где-то когда-то выходяши на лед, нетвердо ступая на своих снегурочках. Сплошной поток людей несется на тебя. Лети! Подтопка.

Падение. Хохот. Как тесно в заколдованном мирке веселья!

С мостика берет и кепка сошли на снежную лаву.

Было тихо.

За редкими столами стремительно бежали фигуры, поузрезанные мраком. Так бегут разогневые толпы в кинобалахах.

В одних ли фильмах? Не в этой ли Сокольниковской роте краснопшюу бежали железнодорожники Ерияки и Николаевские, спаясь от казачих шашек? Пули ударились об эти стволы.

Забастовщики и дружинники пятого года приехали в кустарнице и молотках заросших. После декабрьского востания кустарники приказом жандармского управления уничтожили. Нижние ветки елей и сосен обрубали на высоте человеческого роста. Чтобы не пряталась. Чтобы пули попадали не в дерево, а в человека.

Аллея привела в круглый зал, громко озвученный радиопропаами, ярко освещенный электричеством.

Здесь стояла беспрерывная стукотня, как будто по крыше проходили армия.

Сотни парней и девушек, стуча сталью копылок об пол, двигались из раздевалок к выходам.

Выходы просервировали круглое здание в нескольких точках.

Конькобежцы с'езжали прямо на ледяную ленту, окружающую здание.

А навстречу им, устало стуча, входили в здание отскользнувшие. Они валились на ступы. Пахло мокрой шерстью свитеров.

— Скорей на лед!

Кепка больше не вспоминала о давнишнем катании на снегурочках.

В мужской раздевалке было достаточно места.

На пол летели красноармейские салоги, ваденки, желтые туфли плахишного пария...

Кепка,—расшифруем ее название: это был сварщик Электроставода Коля Богачев, 1912 года рождения, с осени сего года влюбленный в Катю Велючку с фабрики «Богатырь»,—кепка запылила за проклет копылок «Английский спорт» семьдесят пять копеек. Неудачники платили рубль.

Из этого можно составить себе лекоторое представление об общественном лице Коли Богачева.

Жизнь его была разделена между сварочным цехом и Катей.

Со сварочным были связаны черные кожанка трансформаторов, стеногазета, шинение и треск электрической искры. С Катей—долгие стоянии в полноротных, новонадании вечерника в задмеленной комнатке.

Богачев не подоаревал, что электрические буквы рекламы у входа сияли для него и Кати. Ибо они были единцы. А из единцы, как известно, складываются десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч,—

и как раз о тысячном, миллионном охвате рабочей молодежи зимним спортом думал курчавый товарищ Киров, директор Сокольнического парка культуры и отдыха, неутомимый затенник и выдумщик, прокрывавший во все телефонные трубки, что Сокольники имеют 93 проц. хвойных деревьев и прекрасный европейский каток, и лыжную станцию, и что можно развернуть грандиозную оздоровительно-воспитательную работу, и чтобы цорть поборя московскую погоду с ее оттепелями и морозами.

Впрочем обо всем этом нужно рассказывать не в одно дыхание.

О Сокольниках в Москве знают, что туда идут 6-й и 4-й номера трамвая и автобус № 6.

...получаете лыжи и палки и выходите пляно на снежный простор

Не знают, что зеленая масса этого парка занимает 6 тыс. га, что уже к концу 1932 г. было освоено 638 га и занято под всевозможные культурные учреждения 120 га.

Знают, что в Сокольниках стоит дачки, живут какие-то люди.

Не знают, что в роше Сокольников сидит девять процентов сосновых деревьев. Что это — шумительный бассейн озона. Что по генеральному плану намечена ликвидация частного жилья в парке и превращение огромного пространства в

зону здоровья и отдыха с полями мака, тешистами, лузальцами, Агробиокомбинатом, сотнями спортивных и туристских баз, балаганов, театров, солариев. И что это уже не мечта.

О Сокольниках знают по Чехову, по описанию им повальной пьянки, по устаревшей статистике угловых преступлений, отдававшей Сокольниковым почетное место.

Не знают, что электрические фонари горят в большей части роши, мешая жулиганам, что бывшее кино «Тиволи», где режиссер финками каждый вечер, превращено

в образцовый комсомольский звуковой кинотеатр со сверхочищенной от чистоты полочи, пальмами, цветами, политической информацией перед началом сеанса и что в главе театра стоит старый комсомолец Башкин.

Смутно знают о каких-то просеках в Сокольниках, расположенных радиусами, о густой тени аллей.

Не знают, что тысячи рабочих заводов «Ботатыры», «Геофизика», «Свар» участвовали в субботниках по благоустройству парка. Что в 1930 г. в активе парка работало 62 чел., в 1931 г. — 225, а в 1932 г. — 556 чел., что парк разросся, как огромная цветущая клубка. Что заботливые руки рассадили здесь десять тысяч корней новых деревьев, столько же корней кустарника.

О Сокольниках знают, что здесь когда-то, в древние времена, охотились с ловчей птицей — соколом.

Не знают, что при Петре I соколиную охоту отменили. Роша стала местом аристократических выездов. Городскому толпу сюда не пускали. Тола все же стала проникать в парк с 40-х гг. прошлого века, и первые забастовки железнодорожников 1885 г. готовились в этой хвойной снежной тишине.

Не знают, что дружинники 1905 г. учились здесь стрелять из большевистских параболдумов. Что большевики в 1931 г. на июньском пленуме ЦК слушали доклад т. Кагановича и решили превратить Сокольников в образцовый Парк культуры и отдыха. Что в одном 1932 г. на это дело затратили миллион двести сорок тысяч рублей.

В первую пятилетку были созданы не только крупнейшие заводы с передовой техникой, но и грандиозные крепости культурной революции.

Не только Магнитогорск и СТЗ изменили профиль страны, но и дворцы культуры, парки культуры и отдыха, сменявшие жалкие палатки для «народных гуляний».

Сокольники — парк круглого года.

Сосна одинаково прекрасна в золоте летнего заката и в белой шапочке зимы.

Огонь нескажем.

Угните это и добавьте, что вся работа в парке получила современную техническую оснастку.

Всюду — электралампочка и радиопуор.

Ровный свет и ровный ритм.

Озаренный электричеством каток с его дорожкой длиной в 850 м. и шириной в 12 м. дает возможность одновременно скользить по льду двенадцати тысячам человек.

Сейчас пользуется катком едва ли одна тысяча.

Такова дистанция между возможностями и освоенной возможностями.

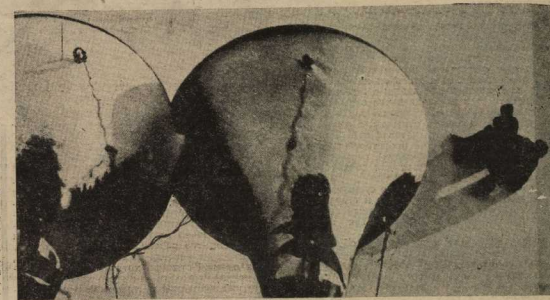
Может быть нет удобства? Круглое здание целиком превращено в культурную теплушку. Для вас, интеллигентского воздуха, тепле индустриальных ковьями, шинит на привлекательнейшего самовар. Для вас надежда бедный халат продавщица. Для вас нарезана ленточками колбаса. Для вас разложены газеты и зажжены настоящие лампы с абжурами.

Радио навевает конькобежца, или волами

Рупоры вытгивают губы, слысь не сорвать ноту вельса

Лирическая зима*

Вы саты воздуху, музыкой и светом. И проп. воздуха плостая в «Большинке», плюс симфония Бетховена, плюс сданныя норма ГГО—пот новый стиль выходного дня. За это борется Киров. За это борется каток. И звуковое кино. И лыжная станция.

Сколько народу бывает на лыжной станции? Пока немного. За декабрь—январь побывало не больше 7 тыс. А запреаэктировано на сезон 140 тыс.

Такова дистанция между возможностями и освоением возможностей. В Сокольнической райком комсомола сидит Серьезный народ. Не было такого года, чтобы бюро райкома не задало о работе ПКО

Весенне саником,
С работы, влоюм,
В осенних пальтиках
К Райгазгу идем.
И теплые губы
И розовый нос
Шекесот у Лобы
Весенний мороз. Снежиг.
Вечерет.
Расплавившей тель,
В сугробы, луньш,
Зарываея лешь,
Окрашанный ветер
Стучит в провала.
Скряпит на панели
Сухая вода. И суше
И глуше

Поэзма свистит,
Шеки белеют от холода.
Пурга заметает весну и растит
Сугробы на улицах города.
И, белую лодку взрыва явль,
Скорости развивая,
Снегом окутывает автомобиль
Занюкую тень трамвая.
И так это тихо
Плывет звезда
В облачном неустойчиво,
И так это дружно
Стучат поезда
В мигающее пространство;
И так это надо быстрее идти,
Руки дыхавшем грее,
Мне, выбирающему пути
С работницей-Москвичем...
Но ЗАГС не работает.
Дверь закрыта
И ручку напрасно скимает
рука.

Лыжная станция. Вы выдете в нее со стороны улицы. Сразу попадете в гардероб. Только с номерком от сданного платка сможете проникнуть в раздевалку, где получите курносые пальсы и обмотки. В последней комнате этого широкого домика получите лыжи и палки и выходите прямо на снежный простор.

Цепочка лыжников кружит между столами осен толщевой в два обхвата. Лес засыпает лыжников. Они идут «русским ходом»: поочередные броски рукой и ногой. Подъем. На вершине открывается дымчатая перспектива снегов. Первый смельчак выходит из цепочки и, чуть пригнувшись, бросается вниз.

Метелица гонится за ним и хватает его за ноги. Но поодно. Смельчак уже подпрыгивает на лыжах трамплина, боек, присушив-лямок. Ах, чорт! Кана-на вырывается вперед и пересекает лыжину, серая фифайн—в снегу.

Финский ход—ход на скорость. Каждый мускул работает в прекрасном ритме. Человек не идет, а танцует на лыжах. При поворотах чуть наклоняется в сторону и поднимает послушную ногу.

Идите, скажите—русским ли ходом, финским ли к горам «Швейцария», где прыгают с трамплинов, к долине Яузи, где сверкает серая молина застропосада,—просто необитая, снег синева и гладок, как выбитая щека.

Лышние, дышите снегом, на котором лежат велевые ветки хвой, дышите замороженным белым снегом и завывающей корой стволов.

Курчавый товарищ Киров, директор Сокольнического ПКО, борется за увеличение процента «воздушных часов» в бюджете рабочего времени. Для этого он цитирует «Бюллетень» Маркса, пишет статьи в газетах и организовал базу целевого отдыха в Сокольниках. Киров с серьезностью говорит о «русской» традиции отдыха как с самоварничком, в духоте жаркой катальной комнаты. На его базе московский пролетарий получает каток (воздух), лыжи (воздух), горячие паче (таже) пальсе меховой мешок для сна (таже голу).

Вы возвращаетесь на лыжную станцию. Возьмите трипочку из ящика в углу и старательно оботрите лыжи, соскребите железным наконечником палки снежную корку. Так требует культура.

Теперь проходите в раздевалку, обуйтесь. Можете выпить чаю. Можете—дойдите по лесенке в читальню.

Чувствуйте себя, как дома.— Не без ледяной асымы, без закнутых на спинку стула ног, без холодного чая и трех выкуренных пачек пипарос. «Пейзаж» отдыха не тот. Десятью девять

и не вынесло бы серьезнейшую резолюцию. Но во время когда ПКО охватит 30 тыс. детей московских пролетариев, самую ничтожную горсточку в этой движущей ребачей толпе составляли школьники Сокольнического района.

Райкомщики никогда не бывают ни на катке, ни на лыжной станции, хотя например некоторые ценяты пахот для этого время.

Тут уже дистанция не только между возможностями и их освоением, но и между задачами комсомольского руководства и его качеством.

В узорчатых окнах нет ни черта — ни тени, ни огонька.
А мы торопялись,
Боясь опоздать.
И Любки мутнеет взгляд,
И мне остается поцеловать
Лобку — поцелуй мою
и мать будущих октябрят...

Морозит. Снежит.
Поэзия свистит.
Шеки белеют от холода.
Пурга заметает весну и растит
Сугробы на улицах города.
А мы смеемся на каждом шагу —
Звонкие, как ледяшки,
И мы веселее хлещем пургу
За ташюе подмышки,
И тает она, Заморозка, снежит,
И звезды горят в зфире.
И так это слышно и жить
В горячем и светлом мире.

* Из стихов, присутствующих на диктозигуре «Снеглы».

ПИСЬМО Селима к НАЧАЛЬНИКУ заставы

«Ты меня, начальник, прости. Я не могу теперь выстоять, рад, что мне такая радость. Когда слова эти дойдут до границы, когда будешь знать, какой у тебя командир отделился, и успокоится, и радость моя будет выше, чем вершина горы, которую ты видишь из окна заставы. Я, Селим из селения Тьри, позноконмис с командиром отделения очень давно. Еще не было тебя, начальника, на этой заставе, как в первый раз попал жюри мои этот почти стеной на лезья глыб Павла.

Я был в горах. На моем паче лежала веревка, скрученная отцом и матерью из шерсти баранов.

Я ходил в горах и долинах, забирался на кручи и смотрел во все стороны. Я искал и не мог найти нишего единственного ишака.

На ишаке мы возим войну для полководца наших полков и сухие корни для приготовления пищи. Ишак тянет деревянную соху, и люди для нас маленькие, как одеваю, поле под ивнем. Где этот ишак и куда он ушел, я не знал. Но мне сказал отец: «Иди в горы, и если не найдешь, то спустишься в долину. Если же нет и в долинах, то проберись в самые глубокие ущелья, войди на самые высокие вершины гор, в тустые чаши кустарников. Я искал его с утра и до вечера. Мне хотелось пить, и мне хотелось есть. Пробирался меж кустов, и срывал с них листья и жевал их; натискался на горные источники, я шел из них до тех пор, пока не утолял жажду.

Пор катился по моим щекам и носу, и я смыла его на тех же источниках. У меня были исколоты шипами ноги, а веревка казалась тяжелее камня. Руки уже не могли с силой раздвинуть чащбы кустарника. Я сел на обрыве утеса и стал смотреть на овраг, кружищего надо мной.

Мать моя говорила: «Селим, у нас ничего нет. У нас только два десятка баранов, два одеяла земли, два ишака, да ты, да отец твои». Мать моя сидела дни и ночи у деревянного станка. Ноги ее были тонкие, как палин, и спи, когда-то стройный, согнулся, и плечи торчали. Мать моя сидела за станком и ткала ковер. Она ткала ковер уже год. Глаза ее наливались слезами; пальцы уже не могли быстро перебирать нити из шерсти. Но пришли беки и сказали: за тобою большой долг,— и взяли этот ковер.

Я сидел за обрыве и смотрел на овраг. Если б подняться так высоко и взглянуть вниз и увидеть всю землю! Разве на всей земле существуют беки, отбирающие за долги головы работя? К вечеру пришел отец. Его не было днем, когда отбирали ковер. Он подкал под себя ноги и сидел молча до тех пор, пока не перестал кричать ишак, которого и теперь ищу. Потом отец астал и сказал: «Долово! Беков не будет. Это я слышал. Это мне говорили. Им приходится смерть. Не надо было отдавать годовую работу».

Так сказал мой отец, у которого седой волос серебрился в бороде.

Я не знал, что советская власть за бедных, что есть большевики, что есть Ленин, а земля большая и круглая, как солнце. И вдруг слеза ораг крылья и упал в чашу леса, а сосиски ораг от меня кричала ишак. Тогда я взял веревку, прислушался, с какой стороны идет крик, и пошел.

Я раздвинул с прежней силой заросли колючих кустарников и не шел, а бежал на пегу-

ний зон все выше и выше. Кровь струилась по щекам. Вдруг заблестела река под мною, и я увидел в ложбине у большого камня ишака, а около него пограничника твоей заставы, командира отделения Павличенко. У меня закружилась голова, и я схватился за куст. Разве мог я сказать, что около него стоит ишак, которого я ищу?

Когда я был маленьким, моя мать, укладывая меня спать, всегда говорила: «У нас, Селим, много врагов. Град вышибает наши посевы, а гроза и ливень разрушают жилища; ишаки баранов угоняют люди, не вершине в Аллаху и его пророка; седоластые беки ставят на нас жилистые руки работать на них, а пограничники русского царя помогают и разбойникам и бекам. Слушай, Селим, слушай! Когда мы приходим к ним с жалобой на разбойников, они требуют от нас поклянов до самой земли, берут лучшее барана и лучшее петуха, а потом смеются и угоняют нас из своих жилищ. Когда мы приходим к ним и жалуемся на беков, они натравливают собак и палками стегают по спицам». Селим, Селим! У нас много врагов, и ты всех их бойся.

«Вот что мне» говорила мать, когда я был маленьким.

Я узнал перед твоим пограничником, подал перед ним и хотел пощелкать его ноги. Селим, я заглянул мои глаза, а сердце так стучало, как стучали камни, делавшие на дне реки.

Вот, товарищ начальник, что было со мною, когда я увидел пограничника твоей заставы.

породе. Но Павличенко усмехнулся и сказал, что бедных народов не было ни в какие века, а существовали только бедные и богатые.

Павличенко объяснил, как велика Страна советов, каким великим человеком был Ленин и зачем нужно понимать буквы и слова, которых так много в книгах.

Он сказал, чтобы я приходил к нему на заставу. Разве, товарищ начальник, я не хотел повзять чудесных букв, из которых можно делать слово?

Я приходил на заставу, и Павличенко, у которого лезья глаз был так же тускл, как история моего народа, научил меня понимать и буквы, и слова, и даже целые книги. Вот, товарищ начальник, что сделал со мною Павличенко.

Потом он показал мне красивую винтовку, дал ее в руки и сказал: «Если выучишься стрелять, сможешь быть настоящим пограничником, будешь охранять границу от беков и муз». »

Я, товарищ начальник, учился стрелять из этой винтовки не один — мне помогал Павличенко.

Он сидел около меня и ласково упрямил не держать спусковой крючок и не прижимать крепко винтовку к плечу. Он научил меня дышать во время выстрела и правильно ставить мушку винтовки в прорезь прицела. Он объяснил мне силу ветра, который может унести пулю в сторону. Он рассказал, что следуют Советы для ишаков детей и зачем нужна Красная армия.

Вя, товарищ начальник, за то, что я получил первое место по стрельбе из винтовки, дали мне книгу великого человека Ленина.

Эту книгу я привязываю к своему сердцу. Это книгу я прочитал. Ни одной странички не оставлю пропущенной.

Вя, товарищ начальник, говорил на празднике, что я сам добился первого места. Нет, тов. начальник, это не так. Пограничник Павличенко научил меня хорошо стрелять из винтовки, пограничник Павличенко научил меня читать и понимать книгу, написанную великим человеком Лениным.

Селим из селения Тьри.

ОБ ОЧЕРКЕ И РАССКАЗЕ

В №№ 21—22 и 23 «Смены» за 1932 г. напечатаны первые две статьи из серии «Лаборатория творчества. Поэты А.А. Жеро и И. Молчанов, разбирая присланные в «Смену» стихи, сделали ряд указаний о работе над формой и содержанием поэтического произведения.

Письма наших читателей свидетельствуют, что эти статьи достигли своей цели: передали опыт квалифицированных писателей — новичкам.

В статье В. Б. Шкловского разбирается несколько присланных в «Смену» рассказов и очерков и ставится вопрос о борьбе за сюжетность

Я прочел несколько самостоятельных рукописей, присланных мне из редакции «Смены».

Самотека я не читал давно.

Эти рукописи сильно изменились. Прежде самотек был безотрадным. Эти рукописи — грады воды, они имеют всю видимость литературности.

Прежде самотек по темам был чужой.

Писал об истории, о графах, о графике, в которую влюбился парень и ходил к ней, оставаясь лопух в детстве.

Писал даже об Африке.

Присланные мне сейчас рукописи написаны о соревновании, маневрах. Между тем эти рукописи в набор не пойдут. Постарается это объяснить.

Рукописи очень сухи. Они очерковы. В них изображается действие, но они несюжетны.

Сюжет вводится в литературное произведение не для игры. Благодаря сюжету, благодаря различным событиям в рассказе, которые поворачивают героя его по-разному, мы видим людей и события в их противоречиях.

Развязка нам эти противоречия как-то примиряет.

Поэтому сюжетное произведение знает долго, оно переживает часто событие, оно учит тогда в событиях вскрывать их сущность.

В сюжетном произведении взят в жизнь т. е. в ее противоречия.

В присланных мне рукописях действие идет без сопереживания, в одну сторону. Вот например предмо мной очерк Д. М. Благодарова «Слуга — отец».

Это — довольно большая вещь, в треть листа.

Изображаются маневры Красной армии и встреча красноармейца с колхозниками. Все очень благополучно, все происходит так, как всегда, очерк расхвалили. Упоминается тут розовая вечерняя заря. Сказано, что свеча коммюнда мигает, давая неровный, дрожащий свет. А для чего она мигает?

Это — не литература, это расписка. При по мысли этого описаний читатель не становится зрителем.

Поэтому автор не слышит того, что он пишет.

«По готовой части моста, по заставе, осторожно похрапывая, ступают лошади. Над соной расквинута палата, а в воде до хрипоты кричат связисты у телефона».

Оба понятия — хрип и храп — не работают, потому что они только названы, но кроме того они мешают друг другу, потому что находятся рядом, звучат одинаково и соседство их не учтено.

Очерк не вышел. Не годится он и для стеной газеты, потому что участники любого маневра знают про себя больше и интересней.

То же можно сказать об очерке Бориса Пискарева «С них надо брать пример».

События упоминаются, но самого таша нет. Нет интереса. И вывод очерка такой, который не обогащает читателя.

«Расхлябать со сбора по домам, ребята поргубовали от руководителей и сами дали обязательства».

«Регулярно проводить военные сборы».

Очерк И. Линьберга «Зд дело свое из этих очерков самый длинный, но это — просто записки записки. Записки — один из десятков способов организации, но способ, которым злоупотреблять не нужно, особенно в литературе».

Люди в этом очерке еще до заседания знайдуна говорят речей по целой странице. Правда, один из героев очерка, отличающийся от другого героя фамилией, сбивает кроме того благодарзанию и говорит:

«Ты должно быть незаметно для себя, но весьма заметно для других начинаешь поимать тон и уже не говорю, а кричишь, точно слышишь тон, где выступать, хоть уши пакеши заткнать».

Правильно конечно, но привычка эта широко распространена.

Автор сам себе делает предупреждение на 5-й странице, а у него потом разговаривают на 6, 7, 8, 9, 10-й, а потом начинают петь.

Очерк Евгения Кургулова «Рождение очерка» изображает соревнование. Местами в очерке есть живые слова, но это — соревнование, потому что нет трудностей. Потом нельзя так писать:

«Глубоко засела эта мысль в голову Бориса, и гордость и шал, все, присущее молодому сначу, требовало разрешения вопроса».

Это — название ощущений, а не их упоминание. Очерк размечен, а не написан, он как будто задан к написанию.

Перейдем к рассказам.

С рассказа другой спрос. У рассказа непременно должна быть развязка.

Хоть нужно сказать, что развязка бывает и у очерка.

Очерк отличается от рассказа или должен отличаться тем, что очерк слабее именами, фидминистрации, документирован, что конечно при работе особой интерес, а с другой стороны, и связывает автора.

Вот возьмем рассказ Редькина «Лелька».

Рассказ неплохо начинается. Добродушная баба привезла со станции брошенного мужа-то разбей.

Стирает баба Фрошка белье, жем-у я нее уталы.

Выросла девочка Лелька, квалификации не получила, служила кувальдером и при заполнении указала свою квалификацию вывела со стательностью.

Баба Фрошка умерла. Лелька подрастала, да и подобрали ее не очень маленькой.

Вернулся с фронта Максим, муж Фрошки.

Увидел мужку девочку.

Встретилсь безделью из плена и комсомолка.

Что же из этого вышло?

«А другой день Максим записался добровольцем в Красную армию и через два дня уехал на фронт».

Не стоило ехать в рассказ из-за этого приезжать.

Лелька ездила по командировкам. Часто ночевала в городе. Раз пришла к домику Максима, а родственник Максима, хромой инвалид, очень неплохо описанный, оказывается, домок покопол на дровнишки.

Ну, а что Лелька? Лелька уехала на фронт, по очередию мобилизации комсомольки.

Ничего не связалось. Автор собрал людей на вокзал и отменил поезд. И ушли люди в разные стороны.

Очень советую т. Редькину этот рассказ написать.

Рассказ Макарова «Под водой» — рассказ с водолазами. Сюжет простой. При ловле трепангов заплутали один водолаз под водой, попал другой и сплел его.

Людей нет. Даны какие-то их намеки, какие-то их намерения. И неизвестно, кто кого спасает. Мы людей этих не знаем, а поэтому мы за них не боимся.

Намечался какой-то характер у Чибисова, но кто он такой, непонятно.

Чибисов и Чибисов не сдвинул.

То намерение, которое имел автор, то сюжетный рисунок, о котором можно догадываться, тоже при осуществлении банален.

Рассказ Александрова Резникова «Самовар» — рассказ истинстический.

Был мастер, уместник гражданской войны, орден он имел. Любил пить два чаю.

А сын его был такой сознательный, что чай пил только в столовой. Мать была несознательная и сына за это упрекала.

Возникает такой конфликт, который вряд из кого-нибудь старик выведет. Благодаря какому-то стечению обстоятельств, становится удивительно, изучает грамоту и отдает свой самовар в переплачу, чтобы из него отжали какую-нибудь нужную для машины деталь.

Жена ругается.

В. Б. Шкловский

По дороге в рассказ всунуто маленькое вредительство, так, чтобы не забыть.

Тут есть и конфликт, и завязка, и развязка, но вещь, обозначающая конфликт, взята очень расщудочно. И ликвидация была сделана поспешно.

Рассказ Н. Зенина «Горючие сердца» — неплохо по началу. Автор знает очевидно был шахтера.

Вещи идет о том, как садится лава и как люди спасают не себя, а машину.

Рассказ недоработан и переключен на разговор. Вещи опять не показаны, а названы.

Гибнет Осипенко в тот момент, когда хочется укрепить лаву, а над его могилкой проносятся тут же речь.

«Да, ты угадай, я хочу тебе сказать, как мы интересно работаем. Вот смотри, один из нас при осадке удрал, а мы отстали, и хотя серия вырвала Осипенко, помяла тебя, но мы сделали свое дело. Мы — ударники, и я прав был тогда, когда думал, что если ударник захочет что сделать, то сделает. Сегодня — лучше подтяну, сознанием того, что мы строим, что мы делаем, работать ударно, иначе нас смнут, опять придет в Россию помещик. Мы довели дело до конца, что мы спасли машину, ведь нам можно давать уголь и с другого места».

Уверю вас, товарищи, ваш герой стоит лучшей речи, а лучше бы этой речи не говорить.

Сюжетный рассказ — вещь электорифицированная, и в нем незначим вешать красочные моменты, а вешать. Нужно кроме того читателю должен этими вырвками себя обогащать.

Рассказ не вышел, как будто у него оборвали последние страницы.

И люди в рассказе сбиты, неразличимы.

Когда пишете рассказы, больше всего думайте о сюжете.

Удлиняйте в вашем творческом процессе время планирования. Сперва спланируйте, а потом ставьте описания, они придут.

В рассказе нужно добиваться простой и не банальной четкости. Нужно читать чужие рассказы, и смотреть, как они сделаны, нужно смотреть варианты рассказов больших писателей, черновики, стараться прикинуть, как люди достигали в искусстве настоящих результатов.

Виктор Шкловский

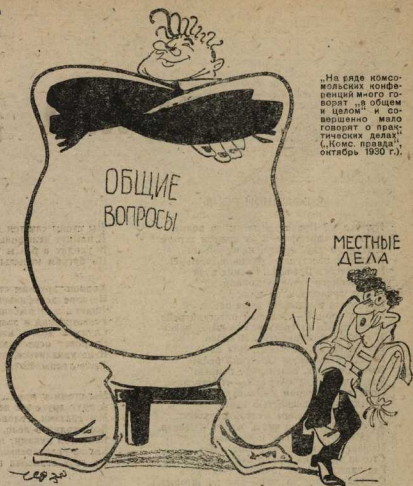
РОБЕРТ ЧЕРНЯК

Американский Меркурий

Гусь

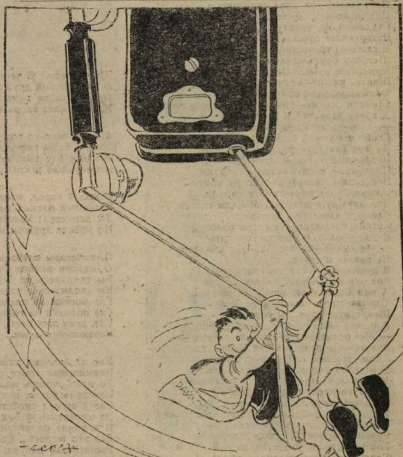

«На ядре комсомольских конференций концентрируется много внимания в общем и особенно мало говорится о практических делах» (Комс. правда, октябрь 1930 г.).

Два делегата на комсомольской конференции

В издании ИЗОГИНА вышел большой альбом рисунков изданию умершего художника «Комсомольской правды» — Роберта Черняка. ... Черняк — талантливый художник, мастер карандаша. Но самый талантливый художник не может уместиться в пределах большевистской газеты, если он в то же время не боевой политический работник, если в творчестве он не публицист. Черняк не только устроился в большевистской газете, он с ней слился. А это была не просто большевистская газета. Он стал постоянным работником «Комсомольской правды» — газеты, которая превосходно выражает молодость, завтра, всюду активность рабочего класса — страны...

«Карикатуры Черняка обычно не мучались в поисках словесный материал и большинство своих эз обескура, а дополнил карикатуры. Это часто даже не фраза, а одно слово, это говорит об изобретательных средствах Черняка как художника (из статьи Д. О. Зегарского в альбоме). «Смена» печатает несколько рисунков из альбома.

Еще и вопросу о руководстве. Висит на телефоне

ОЗНАКОМЛЕНИЕ

1. БОЛЬШОЙ РЕЙД

Ну, что ж? Проверим песню на воле,
А там не сарфайем и на полном штурме!
Пхити ко лбу, пхитый, пхитый лок,
Раздайся, расступись, раздвинься, море!
Разойдись... Плыдем... Грешит вода
У каменного шторма волнореза.
Ломая лукоморье, за мяк
Просторно выплывает наша песня.
Вот за кормой — большой одесский рейд.
Здесь прямо из гробной зыблют чайки
И тут же разбиваются... И вновь.
Выпархивают, исчезают. Вот от —
Поистине Большой Одесский рейд!
Взволнованная, вспененная память:
Здесь побратим «Авроры» — Ростислав,
Подняв над миром кормовую баню,
Перекинуло ненавистью брег
По зимним курянам желтоблукитным...
Здесь Матюшенко вновь живет в Марти,
И «Мирабо» впервые и встаряду
Плывет красноречием... Вот здесь
Стояла та безвыходная баржа,
Где захыхался Ласточкин... Вот здесь
Он задохнулся за дец — два до шторма...
О, воздух буреветнистик! Куда
Как сладок ты, соловей, синий, вольный.
Но бодрать бы сетку у релбор!
Как рывають кругом грудные калки!
Летают крашны, шабары. Бьет вода
По шиколкам. Аврал, кряхтит, вздувает,
Заостряет локти. Тут и там
Сигает — воздух просоловинный, фею,
Или тельник?.. Волдяный завод
Крутит-вертит трансмисси деафинов.
Морняна раскомаривает. Снасть
Насыщается на тоалоэ. Я тоже
Почти кричу... Я слышу пестрый крик
В крови, в кости... Еще неоперенный
Он голосит — он дует свинком
Под ложечку... Живет... Стучится потом
Стуенным по хребту... Он сам собой
Раздраивает зубы... Где-то в тучах
Я слышу буреветнистика. Да, да,
Я слышу буреветнистика. Я слышу
Крылатый крик... Он мой! Высокий! Мой!
Ширый, машит! — Сигнальщик тоже машет
Флажками, этой азбукой морей.
Стоит и машет — крыльями! — сигнальщик.
А вдруг взлетит? И я кричу, кричу:
— А ну-ка полюбуй, братишка, слышишь...
Стоит и машет... Я кричу, кричу...
Но тут как тут — замасленная роба:
Получный слесарь, подручный гаухарь,
Получные республики, мы ташин
Нестовый швартов. Мигнула колен.
Одесса — порт протгивает сходня.
Что дружику ладонь... Мы сам-третей
Стоим у элеватора. Высокий
Сигнальщик забирает нас в охапку,
— Да облака, и просто говорит:
— Не дуло — песни! Да! — Ни капли моря
Не вдуло и твоего...
В машинном — как по маслу.
Вот это испытание, братки!..
А над Слободкой, яркая до жмурок,
Сжигая нас и заживая волны,
Швартуется завод... Я говорю:
А может быть не я, а снесрещен:
— Мы проверяя песню наших рук —
Вот так бы ладить песни наших глоток:
Суда — что бесние. Песни — что суда.
Я слышу безмозолье побратимов.
И только волны бьются как сердца.
И только песня подстучает к горлу.
И только дружба озирает мир.
И только взгляд, наполненный раскаяет,
Как поахает яростным огнем
Родное говортфлотское лозорье,
Как подстучает растопило сердца.
Грядущего взволнованное море!

Павел Панченко

2. ДАВАЙ, БРАТВА!

Мы стоим сам-три над Черным морем.
И плывут дельфины смольные.
И уходит в рейсы пароплава
По буграм непьюльного пути.

Хорошо друзьям стоять у моря
На заре дельфины, поутру,
Видеть, как рыбачат на ветру
Белые дымки в заливе синем;
Слушать долго, как сирена ветра
Напролет осмысляет мячты,
И не удивляться, что на мачте
Тоже трепыхается заря...

Мы стоим у моря... Дружба дружбой,
А друг друга мы не замечаем —
Мы глазами, головой, руками
Все уходим в дело, чтобы дело
Песю под руками: дело — песня...
Кореш — духаремши! Песля-песней,
Но твой зыбкало поахает...

Ты стоишь на элэваторе — и вижу
Глухаричку твою заботу;
Визу, как сула гаю выходит,
Испещренные твоей заботой...
Берега отчалили — и судно
Остается вдув в зыбучем мире,
И по крученному валу уходит,
Отбывая неподвижный вал.

Волнолома... Ну, а ты, мой тезка?
Стынет раскаленный борт зари,
Вот идет матросский пестрый тельник,
Тельник — синие полоски моря,

3. МЕРТВЫЙ УЗЕЛ

Ну, что еще? С чего начать бы повесть
О незабвенной дружбе?.. Как всегда,
Она является вневсть отсюда
И погружает якорь в гаубишу.

А мы встаем из водяного вала,
Мы из воды зеленоватой вбга,
Лукаван на вымынчила влает
И высушило искреннее солнце.

Веселый город, полный воссиянний,
Вслеском мягкой жестеленной дьялю,
Ты знаменит: повеса на повесе,
Но крепче дружбы не найти зато!

О, когечары плаванья земного,
О, пахари равнин солоноватых!
Вы сходитесь на берегу. Обычно
Мы сходитесь в какой-нибудь бухточке,
Где косяки за плечи задевают,
Где потюлки на головы садятся,
Где, зная прочность плуэбу, не верят
Качающейся суше...

Как из бочкава, тивет невозможно,
Невыносимо тивет старинно:
То наша память «бездозволя» пахнет,
Как выгоралом подустрою смуглым,
Где я шумел сигнальником во флоте,
За карантинной бухтой, в Омеге,
В команде полугононой... Как недавно
Все это гильсось... Еще слова протые
Вымывает лютый, а лютена
Еще десит из том же самом месте,
Где и ее оставила... И, как ястреб,

Белые полоски облаков —
И липор на мачте зажигает
Клотина высокие сигналы,

И мигает быстрая звезда...
Это ты, сигнальщик расторопный,
Мореход дзорных берегов!..
Ну, а ведь тоже слесаренный...
Но сегодня я чешу на кузию —
К старичке гартовать зубильца...

У зпенщик жаркой наповални
Встад — стонт нестойный копаль...
— Эй, джак, здорово! — И зари
Опускается в ведро с волюю...

Мы — друзья — стоим над синим морем.
Мы стоим у моря — ждем погоды,
Мировой погоды Октябрь!
Нет, не ядем, а дельем погоду,
И гартуем — зааляем песню
На горячем южном языке,
Песни — дело, песня, чтобы были
Крепко сбиты, что твоем закате,
Чтоб светляк ярко, что сигналы
Чтоб дышала жарко, словно стая
В горновом огне — давай, братва?

...Но обрушивается внезапно
Горизонт невыносимо дуют —
Забой раскаленные борта...
И, на время ручки отороси,
Мы напалываем на себя
Море вперемешку с облаками.

Александр Шпирт

Кружится встребитель над мшпенюю.
И золотится в памяти купанья,
Скудальский выд, поджаренный на солнце,
Стуенческие дачи валеке,
Стоянка пионеров...

И ты, клепащичик кряжистый! Ты ладный
Большой корабль... Еще твои удари
Шпангоуты проглатанные помнит,
Как волсы — воды приносоневие,
Как девушка — недомоганья...

И ты, подручный слесарь веселый!
Ты, как металл, опидиваешь время,
Но погоды... давно ль твои спорозы
По отроческим пальцам кололота?
Но через год — как укрепилась рука,
Как возмужали плечи!

И ты, и глухаремши, и сигнальщик! —
Откуда мы, товарищи? На славу
Настропило нас морское солнце,
И выхлудило солонечное море...
Соевым материсским кузлом...
Три корюша из крепкого Союза
Республик, подмощающих плотины,
Чтоб старое не хлынуло водою...

И в самом деле, кореш, — как много
Ушло воды... но времени не меньше
С тех пор ушло...
Ну, что еще? С чего начать бы повесть
О незабвенной дружбе?

Александр Облендер

РЕЙС „СИБИРЯКОВА“

Очерк второй

«Холодная matka» — так прозвали поморы и новгородские выходцы Новую Землю, растянувшую во всю длину свыше 1 000 км. и разделенную проливом Маточкина Шара на два острова.

теперь уже — подвластный хозяин своей холодной, неприступной, но родной страны.

Поклоняясь на слепых волнах, принесенных свежими ветрами откуда-то с берегов Гренландии, полный ходом шел «Сибиряков» к далеким берегам Новой Земли. 31 июля на траверсе обнаружил черный осколок мыса Британия, а к вечеру ледокол входил в пролив Маточкина Шара.

Длинный, извилистый пролив змеится между огромных спадющих в воду черных гор. Яркие ветром скалы кажутся гигантами перед маленьким, робко пробравшимся ледоколом. «Сибиряков» идет тихо и осторожно — ширина пролива местами едва 30 м. Окруженные белым кружевом пены, из воды выглядывают скользкие, заезженные прибоем рифы. Мертвая рыба, как настоящие преследовавшая нас на подступах к Новой Земле, исчезла. Но зато из открытой форточки пролива — Карского моря — со страшной, настоящей силой дует зной-от. Медленно пробирается ледокол между черными конусами гор со слоистыми кривыми сланинами. Солнце уже село. На вершинах скал висит тончайший занавес тумана.

У подножия обрывистых гор, на небольших плоских откосах — рыбаки становища, поселки. Увидев ледокол, все население выбегает на берег, машет руками и долго задумчиво про-

бавляют в прогнанных волнах тумана. Выплывающие динные губы красная-ледокола «Ленина», Широкий, крепкий, на вид такой мощный и сильный он — полная противоположность нашему «Сибирякову» — небольшому старому судну.

Три дайных, разнесенных эхом в горах хрипу известных ледоколового собората он вылезм приходе, и через 5 минут моторная лодка пришвартовывается к борту «Ленина».

— Наконеч-то! — пожимает руки старый морской волк Шибинский, — как плавать? Все хозяйство «Ленина» — а бездельных воротничков и гаструх, в лодку противоположности нам, одетым в меховые и кожаные куртки.

Капитана Воронина интересует основное: что идет лас в «Ледовом месяце», т. е. в Карском море, как его прозвали раньше. Ведь «Ленина» только что вернулась с ледовой разведки, да и самолет «Комсомолец» под управлением летчиков Ажеева и Козлова облетел 800 миль.

Нужные сведения мы получили от лейтенанта Начальника Карской экспедиции Шевелева. Начальник Карской экспедиции Шевелев так обрисовал положение:

— Ледья тяжелые и сплошные, без намека на полынья. «Ленина» при всей огромной мощи своих машин едва вылезла. Помните, что «Сибирякову» будет особенно трудно.

В общем нам вежливо дали понять, что если сильный «Ленина» едва вылез из ледяных полей, то куда вы-то на своем бардахе Суэтец!

Что делать? Итиг или переждать? В Арктике погоды меняются буквально с быстротой ветра. Сегодня сплошные поля, а завтра залудят ветры, и ледья разредится широкими синими поляньями чистой воды, и тогда ледокол, осторожно залвнув, может продвигаться вперед.

Но ждать нам нельзя, негодяи!

— Итиг, рисковать! — вперед заявил капитан. — Вперед еще огромный тяжелый путь. Время ценно на мнуты...

И мы рискуем.

Подняв якорь, распроставшимся гудками, ледокол медленно стал пробираться в тумане к открытому морю. Вперед, играя изумрудно-зелеными теплина, показались первая встреченная нами в этом походе льдина. Ее можно было спокойно обойти, но капитан не выдержал.

— Прямо руля, полный вперед! — гаркнул он вниз, а машинное отделение.

Валругу, затрещав от напряжения «Сибиряков» и со всей мощью своих 2 400 лошадиных сил врвался в льдину, смял, раскroшил и разбросал ее в стороны.

— Ну, ладно, — старая руля, улыбался Воронин, — первую угробили. Так будет и с каждой...

На туманном рассвете «Сибиряков» вошел в лед. Вначале ледья была редкая и пробилована большими поляньями. Но по мере продвижения вперед ледяные поля становились все плотнее и плотнее, увеличивалась их толщина и соответственно уменьшалось количество чистой воды. Перед ледоколом появлялись гигантские ледяные глыбы, которым, казалось, нет ни конца, ни края.

Начальник экспедиции — Отто Юльевич Шмидт

Подходи к Новой Земле

Новая Земля так же, как и Шпицберген, много столетий тому назад была открыта белорусскими зверобоями. Доказательством этому служат обнаруживаемые на берегах гурии (звук, сложенные из камней), поморские кресты и остатки древних становищ.

Еще в 1596 г. неустрашимый голландец Виллем Баренц, первый занесший на карту ирландские море берега Новой Земли и окончивший свою бурную, полную исканий жизнь у мыса Ледяного, на крайнем севере этого безлюдного острова, во время своей зимовки видел старинные поморские кресты.

На всей огромной территории Новой Земли живет около 200 самодов и русских промышленников, причем их жилища не разбросаны по обоям островам, в сосредоточены на южной оконечности Земли в нескольких промышленных становищах: Безубойей губе, Малых Кармакулах, Крестовой губе, Маточкином Шаре, становище Русаева и т. д. Настоящий обитатель Новой Земли — это невед (самоды), русские же промышленники — зверобой, — приходе на северных окраинах Союза люди, проживающие здесь по несколько лет на отхожем промысле и затем неизменно возвращающиеся к себе на родину.

В далекие времена за Полярным кругом в Большеземельской, Лавинской, Тиманской горах, на Новой Земле, островах Вайгаж и Колгуев жили лопари. Они называли себя «само», а землю, на которой обитали, — «само-едие». По этому в те времена эти земли у берегов Ледяного океана назывались самодьей, а жители — «само-едями». Самия же самоды называли себя «нештай», что в переводе означает «человек».

После Октябрьской революции и сюда, из далекий отрезок материка, начала проникать культура. В становище Безубойей губы открыта школа-интернат, в которой обучается 18 ребят, составляющих самую северную в мире отряд юных пионеров, работают курсы мотористов для националов, готовящие кадры рыболовному и зверобойному хозяйству. Развивается промышленная кооперация: все промышленники объединены в артели с общештабленными инвентарем. В каждом становище — совет и уполномоченный островного совета. Словом, забытая царской опривной древней тундры

вожак нас взглядами: ведь далеко не каждый лес в этих крапчих водах появляется гость с Большой Земли.

Все участники экспедиции высочили на палубу, любуясь исключительной по красоте панорамой. Только на великолепного стрелка — абхазца Чачуб, воело судьбы занесенного со знойного юга в арктические просторы, эта картина не произвела никакого впечатления.

— Такие же горы, как у нас в Гатраж, — убежденно заявлял он, — только у нас лучше...

В небольшом далиннике на икорях стоят 4 грязных, ободранных и облезлых норвежских лесовоза. Это — захартованные нами суда Карской экспедиции, ожидающие момента, когда ледокол «Ленина» протолкнет их сквозь льды Карского моря. Видимо, владельцы посылают в эту экспедицию свои худшие суда, боясь за имущество и не слишком веря в успех. А между тем карские работники верят, за все время экспедиции — ни одной аварии, что позволяет увеличивать количество судов, расширять богатейшие экспортные операции по вывозу пушнины и ценнейшего енисейского леса.

В бухте Провидения. Ученица чукотской школы

В часы досуга экипаж развлекается «джигом»

Под напором стального тарана — форштег ледокола — лед дает длинные извилистые трещины. Огромные ледяные глыбы с шумом реверачиваются в бурной вододвороте, со скрежетом обдирая свежую краску бортов.

— Ну, началась работа! — хрипо подниму глазом, заметил кочегар. — Теперь только вали угля. Полным ходом придется работать машинам.

Разводило окончательно пропало: куда ни взглянешь — белый бесконечный саван ледяной пустыни. Ледокол, выкисавшись между двумя огромными торами, остановился.

— Тихий назад! — протяжно несетса с капитанского мостика.

Медленно, словно нехотя, отходит «Сибиряков», но не из-за малодвижия, не из-за способности перед силами Арктики, а чтобы снова со всей мощью броситься на льда, чтобы крошить, дробить и ломать все встречающиеся ему на пути.

Срабегу бросается ледокол на спрессованную броню льда, так что передняя часть судна зачастую до половины корпуса залезает на снежную поверхность. Тогда под тяжестью «Сибирякова» лед дает трещину, медленно оседает, и свистом из-под борта вырывается пенящийся поток и выбрасывает на поверхность растерзанные, перевернутые изумрудные глыбы.

Снова отходит ледокол назад и снова со всей сокращающей силой бросается на льды, и так без конца. Вот как работает ледокол в торосистых льдах, медленно, шаг за шагом, продвигаясь вперед.

Вскоре встретили самого «хозяина» ледяной пустыни — белого медведя. Охота в Арктике на медведя чрезвычайно проста. Кверху носом не нужно подкарауливаться, ползи, старайся быть незамеченным. Нет, Медведь сам идет на ледокол, уверенный в своих силах. Равного ему здесь, в широчайших полярных пустынях, нет, бойться ему нечего. Он подходит на расстояние 50 м. от борта судна, садится, нюхает заманчивые запахи, несущиеся из приоткрытой двери камбуза (кухни), становится на задние лапы, словом, поизрует нашими кинооператорам, которые, пользуясь безлпчатой натурой, в наступлении аертят ручку киноаппарата.

Медведя мы расстреляли, выпустили по нему пулю 40. Правда, когда тушу втащили на палубу, то к общей хохоту обнаружился всего лишь 3 янны, остальные пули меткие охотники выпустили в лед. Владлеади экспедиции начался проф. О. Ю. Шиндт опубликовал приказ, по которому все участники экспедиции разбивались на бригады и стреляли по очереди.

Вскоре льды окончательно скрылись. Снова стало зыбь, в к вечеру до того расквчалю, что многим пришлось наспероты и виз пришлось с'ездить в небезвестный град Рину.

Так до самого острова Диксон мы большие льды не видали. Где же были предсказания, т. Шерешев, о таяньих условиях и предстоящих трудностях? С таим льдом, какой мы встретили, «Сибиряков» мог бороться, и успешно бороться!

На борту «Сибирякова». Целился в белого медведя

Мы рассказываем о целях нашей экспедиции, попутно заявляя, что ханкривуются в охоте на белых с ними не будем.

— Ну, как, много набили?

— Да уже есть. Расходы на поездку уж оправдали, а там — что бог даст, — бьют седой угрюмый старик, — как будет погода.

— А вы куда ж дальше-то, никак к Земле Северной? — задает он вопрос и, получив утвердительный ответ, объясняется: — Ну, перелад-те тогда полком Сергее Журевлеву — он мне родственник, зимует там с Ушаковым, охотником.

Куда, в какие только недалекие края не заносит судьба зверюга! На утлах лодочках под парусами пробираются поморы в самое сердце Арктики за зверем, раскуса ледяную бушало на каждом шагу.

— Ну ничего, — хмыкает старик, — сизьмалства такая специальность.

День и ночь, круглые сутки, на высокой скале, обдуваемой режким морозным порывом, стоит масовой, сменяющий за холм белух, испещенный за мелкой рыбешкой вдоль островов.

Нашевшие досата, заходят огромные 60-пудовые звери в зальи. И тогда часовой поднимает тревогу. Вся артель бросается к лодкам,

— Батюшки, люди! — встрячат нас удивленными возгласами! — Откуда будете?

— С «Сибирякова»!

— Знаем, знаем, с Архангельска значит. Мы сами отуда.

Нас разгадывают, словно зверей, желя узнать цель приезда. А спросить видно не ловко.

— Вот познакомьтесь, Мирус — член нашей артели зверюгов — подползай по плечу смущенную, неслыхо закрывающуюся рукой и терзающую фарук девушку, говорит председатель — огромный, с обветренным, красным, пышущим могучим здоровьем лицом.

— А почему приселили? — удерживается Марус! — Аль промышлять?

Ледяные гряды Северной Земли

чтобы перегордить бухту сетями, чтобы не выпустить в море добычу. Затем начинается охота. Зверобой цепится не в белуху, а в толку моря вперед нее, чтобы испуск ударить о воду пули заставив зверя отклонить свой путь к берегу. Так посылается пуля за пулей, пока животное не выйдет на мелкое место, где его метким выстрелом в голову убивают наповал. Надо сказать, что при таком способе охоты иной расстратит более 100 патронов. Но промысел белух чрезвычайно рентабелен, ибо дает колоссальное количество технического жира, имеющего большое применение в нашей промышленности.

— А дохтур у вас есть? — раздается с нар голос старика. — Хворь на меня напала, ноги опухли и одышка. Работать не могу и зрелища обуза. Облегчили б меня, и я поехал бы с первым пароходом в Архангельск. Помор я этой стороны.

5 августа вечером к борту «Сибиряков» пристала моторка. На палубу влезли три козюлька с радиостанцией.

— Товарищи, нам нужна ваша помощь. 3-го из бухты Полярная ушла в море шлюпка с семью рыбаками. Разыгрались шторм, и люди не смогли выстрелить к берегу, так их и унесло в открытое море.

Радиостанция Диксон искрит: «Когда выйдете?»

— Готов в 15 минут, — передает наш радист Крисья.

Густ непрозрачный туман — в 20 метрах не видно ни зги. Идем медленно, ощупью, сигналом гудками, чтобы по эху узнать о близости берега. Десятки блокфлей сверлят еще видный горизонт.

— Ну как, не заметили ли чего подозрительного? — волнуется дежурный штурман Сакс.

Ледяной затвор взорван! Ледоколу открыт дальневосточный путь

Да как тут заметить? Густой завесой тумана исключая всякую видимость. А тут еще волны, огромные вспенившиеся валы, во всех направлениях расчертивши Карское море. Разве можно увидеть в этом страшном месте крошечную шлюпку с увеличенными людьми?

Всю ночь проходил «Сибиряков» вдоль Диксона, забираясь в глубь моря, и напрасно — людей не было.

— Погибн несчастный, — решил капитан. — Разве мыслимо в этушку волну удержаться?

И лишь на третью сутки, когда из уст в уста от одного станювинца до другого дошла весть до радиостанции, мы узнали, что люди, обмерзнув, с нечеловеческими усилиями добрались до бухты и высиделись на берг.

Время на Диксоне тратило было нечего: вперед еще долгие, тяжелые пути.

И. БАТАЛОВ

МОСТ

Мост через Обь: за выслугой лет, Снесен словно силой nord-оста, И выскит в небо новый skelet Железнодорожного моста.

Утрами, когда серебрится песок, Под трай матушинугоших гамак, Мы адезм, рискуя разбиться в куки, Кверку по выступам балак.

И сутками бьемся — с шести до шести — За норьям на ланной отрезок.

Тесно ломается дубовый настил, Пробитый навмет железом.

Валды убегают безразельный путь... Но булет на скрепах кипель стьмь.

Сосновые шпалды

на крепкую грудь

Примут тяжелые рельсы.

После, позднее, когда провода Станут седейт от морозов,

Качься на стьлах,

побудт поезда

С хлебом уральских колхозов.

И там, в Ленинграде, уральскому рад,

Груэичи уловит с перува

Наглись простую:

«Колстрой — Ленинград.

На стьлах товарных вагонов.

Уральская область,

Город Ишимовск.

Бухта Тинкс. Егоровой оленя

Наш курь — Земля Северная. Третий законченный очерк Бор. Громова об экспедиции «Сибиряков» читайте в следующем номере

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:

В. Толстой — Валет	Стр. 4
Н. Маринович — Хозяин шайтан-арба	7
А. Гротов — Едва пригледеться	9
М. Шлошин — Последний батрак	11
С. Молчан — Поезд смерти	14
И. Гугуин — Мы сильные	16-17
Д. Аркин — Наши дома	18
М. Гольдберг и Н. Добровольский — Снег и люди	20
П. Слеса — Письмо Селима к начальнику заставы	22

Б. Гронов — Рейс «Сибиряков» (очерк второй) 29

СТИХИ:

П. Пичанко и А. Шлирт — Наши пилот-ки-каши форты	3
Ф. Шлошин — Девушки стирают белье	15
М. Шевирович — Прощание с товарищем	15
И. Васильев — Лирническая яма	24
П. Пичанко, А. Шлирт и А. Шлангер — Поэма дружбы	28

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА:

В. Шкловский — Об очерке и рассказе 26

Культурно жить, производительно работать (Бытлова хроника)	2
Ирская армия в своем доме (Ботоваеки)	6
В творческой коллективе «Смены»	15
Странничья ирискура в В. Берсикина	16
Р. Черный (рисунки на альбома)	27
РИСУНИИ: В. Свиригов, В. Берсикина, В. Коновалов, А. Бондровича, П. Муляева	28
ФОТО: А. Сидуркина, Е. Лангмана, М. Хана, П. Абашкина, П. Новичкова (Сосновото) и Сосновото.	
На ОБЛОЖКЕ: Танк-фото М. Хана На последний странице обложки: квалорийская учебка-фото М. Хана.	

Цена 70 коп.

